ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Gründungsjahr 1926

Neues Leben

№1 январь 2011

ZENTRALZEITUNG DER RUSSLANDDEUTSCHEN

Трагическая годовщина и – новая надежда

Давно сформулирована «народная примета»: как встретишь Новый год, так он и пройдет. Надо полагать, эта «примета» родилась в те времена, когда еще верили в то, что страна идет «верной дорогой», что завтра будет лучше, чем сегодня, и что от личного вклада каждого зависит и его собственное будущее, и будущее села или города, где он живет, и будущее страны.

Но с тех пор основательно утвердилась новая «традиция»: встречать новый год почти двухнедельным параличом страны, во время которого активно функционируют лишь бутылочные отделы продовольственных магазинов. Так что прежняя «жизнеутверждающая» традиция как-то всё больше теряет свою наполненность надеждами…

Нашим читателям давно известно: газета «Нойес лебен», ее авторы и издатели имеют одну главную цель – реабилитация российских немцев. И уже многие годы ее добиваются – несмотря на все трудности, связанные с триумфальным развалом великой страны, ее экономики, культуры, науки и всего, что можно было в ней развалить. И несмотря на отсутствие в стране уже в течение двадцати лет внятной национальной политики, в рамках которой и должен бы решаться вопрос российских немцев. Добиваются, несмотря на явно выраженную антинациональную политику этих лет, на политику всемерного замалчивания и подавления вопроса о нашей реабилитации, несмотря на активную политику раскола нашего национального движения и стремление подменить - реабилитацию жалкими подрядными проектиками в сфере культуры, а общественные национальные организации жалкими подрядными структурами, готовыми за бюджетные подачки не только забыть о реабилитации своего народа, но и выступать против этой реабилитации.

Казалось, наступила полная беспросветность - и для реабилитации, и для восстановления нашей государственности. Казалось, даже говорить об этом уже просто неумно. Казалось, даже заикаться о необходимости хоть какой-то национальной политики в многонациональной стране уже бессмысленно – в условиях насаждаемого «приоритета общегражданской идентичности», в условиях всё большего продавливания идеи губернизации страны вместо «национальных квартир», еще позволяющих некоторым народам иметь надежду на национальное будущее. Казалось…

Но перед самым Новым Годом, 27 декабря, Президент страны на совместном заседании *Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике,* вдруг неожиданно для всех меняет намеченную повестку дня и предлагает обсудить… вопросы межнациональных отношений в стране. Открыто заявляя, что работа по этим вопросам никогда не относилась к приоритетам, она «обычно отнесена на второй план, а зачастую носит просто имитационный характер».

Мы пока не знаем, как дальше будут развиваться события. Но можно, наверное, сказать, что давно нужный поворот к вопросу, жизненно важному для многонациональной страны, провозглашен. Причем на самом верху. И провозглашен резко, кардинально, что говорит о понимании опасности дальнейшей «имитации» работы в этом вопросе. А значит, и вопрос о реабилитации российских немцев в этом контексте получает, на наш взгляд, опять шансы быть услышанным…

А еще в начавшемся году мы, российские немцы, отмечаем вместе с трагической датой – 70-летием начала Великой Отечественной войны, еще одну трагическую дату - 70-ую годовщину депортации нашего народа. Депортации, лишившей нас государственности, равноправия с другими народами страны, ставшей началом кровавого пути через годы лагерной «трудармии» и спецпоселения, через десятилетия дискриминации и выключения народа из политической и общественной жизни страны, через 70 лет распыленного проживания, через лишение народа и малейшей возможности сохранить родной язык и национальную культуру, через 70 лет ассимиляции, нереабилитации и невосстановления государственности. Мы отмечаем 70-ую годовщину политики, приведшей наш народ на грань исчезновения, лишившей его надежд на национальное будущее, вытолкнувшей 2,5 миллиона его представителей в эмиграцию. Политики, приведшей народ к небывалой национальной катастрофе. Политики, согласиться с которой никакому народу невозможно – если он хочет остаться народом.

Поэтому считаем, - тем более после выступления Президента! – настоятельно необходимой дальнейшую нашу работу по достижению реабилитации народа. Ибо только реабилитация, только восстановление равных прав и равных возможностей с другими народами страны позволит сохраниться нашему народу на его Родине – в России.

В наступившем году мы обрели опять надежду - быть услышанными в главном для нас, жизненно важном для народа вопросе - вопросе о его реабилитации. Оправдается ли хотя бы в этом году, через 70 лет репрессий и несправедливостей, эта надежда? Зависит от многого. И от каждого из нас.

Сегодня в номере:

НЕМДРАМТЕАТР: БОРОТЬСЯ И УМЕРЕТЬ С НАРОДОМ...
Стр. 2

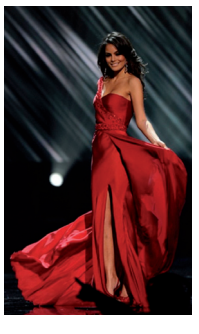
ПРЕМИЯ ЗА НАУЧНЫЙ ТРУД
Стр. 3

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ – К ГРАФЕНУ
Стр. 4

70 ЛЕТ ДЕПОРТАЦИИ. КУДА ЛЕТИТ СТРЕЛА
Стр. 5-13

ПРОТИВ РАЗРУШЕНИЯ НАЦИИ
Стр. 14

ГЕРМАНИЯ ПОД КОЛПАКОМ
Стр. 15



Читатель предлагает. «НУ А ДЕВУШКИ?»
Стр. 16

Бороться и умереть вместе с народом...

К 30-летию возрождения Немдраматеатра в СССР

Немецкий республиканский драмтеатр в АССР НП, в г. Энгельсе, закончил свое существование в августе 1941, с депортацией немцев Поволжья; его работники вместе с народом отправились в Сибирь и Казахстан…

2 июля 1974 года появилось постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы среди граждан СССР немецкой национальности». В нем подчеркивалась необходимость создания Немецкого театра. Началось воплощение этой идеи в жизнь. В московском театральном училище им. Щепкина при Малом театре открывают два актерских класса на немецком языке, где обучается около 50 студентов из числа российских немцев. Шесть лет прошло между первым набором и открытием театра.

Петер Зименс, хореограф из Караганды, взвалит на себя бремя создания профессионального немецкого театра, который расположится во Дворце культуры горняков в городе Темиртау близ Караганды.

25 декабря 1980 года Немецкий драматический театр открывает свой первый сезон. В этот день артисты играли спектакль «Первые» по пьесе Александра Реймгена, писателя из Казахстана. Руководил коллективом тогда Э.Аракелов, затем в театр пришли В.Ким и В.Ионтов, позже – Б.Атабаев. Уже через два года театр не только состоялся, но и способствовал возрождению по всей стране казалось погибшей национальной культуры – он становится духовным центром немецкой диаспоры.

С приходом в театр режиссера Эриха Шмидта значительно расширился репертуар. Наряду с немецкой классикой зрители могли увидеть и русскую, а также веселые музыкальные представления, детские спектакли. Будучи коллективом национальным, театр стремился к тому, чтобы на сцене обязательно шли произведения советских немецких авторов.

Популярностью у зрителей пользуется спектакль «Свой очаг» по еще довоенной пьесе Андреаса Закса – бывшего ведущего драматурга Немецкого театра в АССР НП. В спектаклях «На волнах столетий» и «Люди и судьбы» по пьесам В. Гейнца впервые со сцены рассказывается об истории переселения немцев в Россию, о жизни советских немцев.

Немецкий драматический театр в это время – нечто большее, чем просто театр. Он становится трибуной национального самосознания, душой, пламенем и надеждой для народа, пережившего депортацию, трудармию и почти полное уничтожение своей культуры. Театр активно включается в движение советских немцев за реабилитацию. С его сцены выдвигаются политические требования; в письмах к Верховному Совету и в ЦК КПСС актеры настаивают на восстановлении республики на Волге; до и после спектаклей собираются подписи под воззваниями и требованиями.

Почти программно зазвучит название спектакля, открывающего театральный сезон в 1988 году – «Мы не пыль на ветру». Залы заполнены так, что яблоку негде упасть.

К концу восьмидесятых театр, часто выезжающий на гастроли, имеет своих зрителей и поклонников по всей стране. Талантливые актеры, сильный и разнообразный репертуар позволяют ему занять свое место среди театров страны: о Немецком драмтеатре знают, пишут. Его ждут во многих городах Советского Союза. Его даже называют «театром на колесах». Творческий коллектив получает приглашение для повышения квалификации в города Ульм и Мюнхен в Германии.

В 1989 году театр переезжает в столицу Казахстана Алма-Ату. Но – уже начался массовый выезд советских немцев в Германию как протест против нереабилитации народа. Работники театра тоже уезжают один за другим, и в 1993 году уехал последний актер. Немецкий профессиональный театр на территории бывшего СССР в очередной раз перестал существовать…

(По публикациям в печати и интернете. – А.Ф.)

На снимке: *1980 год. Выпускники театрального училища им. Щепкина, будущие актеры Немдраматеатра, со своими преподавателями у Малого театра.*

Иван Сартисон

Вышел в свет справочник российско-немецких писателей

В Берлине в издательстве «NORA» вышел на немецком языке биобиблиографический справочник Герольда Бельгера «Russlanddeutsche Schriftsteller von den Anfängen bis zur Gegenwart». История этого издания вкратце такова.

Сама идея создания «Краткого лексикона советской немецкой литературы» принадлежала известному российско-немецкому литературоведу, поэту, критику Вольдемару Эккерту. Заявку на издание этого труда он прислал в немецкую редакцию издательства «Казахстан» (копию Герольду Бедьгеру) ещё 15 декабря 1980 г. Объем рукописи Эккерт планировал в 200 страниц, а в список включил 79 немецких литераторов дореволюционной России и Советского Союза.

Увы, идея так и не была осуществлена. А 23 марта 1991 г. Вольдемар Эккерт скончался. Судьба его архива до сих пор не известна. Герольд Бельгер, многие годы состоявший в тесном контакте с В.Эккертом, взялся реализовать его давнюю идею и в течение пяти лет упорно работал над составлением биобиблиографического указателя «Российские немецкие писатели». Под таким названием он и увидел свет в 1996 г. в Алматы. Указатель содержал сведения уже о 240 авторах.

Издание привлекло внимание и в Германии. В 1999 г. в Берлинском издательстве «Ost» в переводе на немецкий язык доктора Эрики Фогт вышло дополненное издание этого справочника. Издание было в твердой обложке и с фотографиями. А в 2009 г. Эрика Фогт прислала Бельгеру письмо с предложением переиздать этот труд. Все хлопоты она брала на себя. Герольд Бельгер предложение одобрил и отослал список фамилий, которыми, на его взгляд, следовало в очередной раз дополнить издание. Одновременно он счел необходимым расширить сведения о здравствующих авторах и просил привлечь к сотрудничеству Ирину Лейнонен, Нину Паульзен, Надежду Рунде и Елену Зейферт, что и было сделано.

И вот книга, тщательно вычитанная, выправленная, дополненная, снабженная фотографиями, стала достоянием читателей. Полное её название: «Russlanddeutsche Schriftsteller von den Anfängen bis zur Gegenwart. Biografien und Werkübersichten. Erweiterte Neuauflage 2010. Ins Deutsche übersetzt und ergänzt von Erika Voigt und Irina Leinonen».

В указателе даны сведения о почти 300 литераторах. В аннотации сказано:

«Belger hatte Wichtiges zusammengetragen, bevor es vom Wind der Geschichte verweht wird. Autoren deutscher Herkunft haben in über hundert Jahren einen eigenständigen Beitrag zur russischen bzw. sowjetischen Literatur geleistet, ohne dass dieser bisher als eigenständige Literatur ausgewiesen worden ist. Dies geschieht nun mit der vorliegenden kulturhistorisch und kulturpolitisch bedeutenden Arbeit von Gerold Belger».

Полагаю, что читатели, и прежде всего специалисты по истории и литературе российских немцев, будут вполне солидарны с такой аттестацией актуального труда.

Алматы, Казахстан

От редакции: Для желающих приобрести этот справочник сообщаем адрес Берлинского издательства NORAVerlag:
NORA Verlag, Torstraße 145,
10119 Berlin
Telefon: (0) 30 20454990
Fax: (0) 30 20454991
E-mail: kontakt@nora-verlag.de
Herr Philipp Dyck

Награда за труд о поэзии российских немцев

Елене Зейферт, д-ру наук, автору уникальной диссертации о поэзии российских немцев, вручена главная премия в области литературы и литературоведения федеральной земли Баден-Вюртемберг (Германия) - «Russlanddeutscher Kulturpreis». Публикуем в сокращении интервью Надежды Рунде (Германия), взятое у Е.Зейферт после знаменательного события.

Елена, вы стали лауреатом такой престижной премии. Как Вы восприняли ее?

Можно работать и творить в сфере русской и немецкой культур, но есть особое поле взаимопроникновения русского и немецкого – это культура российско-немецкая. Russlanddeutscher Kulturpreis вручается тем, кто трудится именно на этой ниве. Для меня эта премия – подтверждение того, что наши дела и поступки бережно взвешиваются людьми или высшими силами, и в определённый момент приходит воздаяние... Я более десяти лет работала над этой темой, написала и опубликовала более 600 статей, рецензий, заметок, тысячи писем авторам. Этот труд, видимо, и был оценён…

Ваша монография с очень научным названием «Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв.» получила и высокое общественное признание. В чём, на ваш взгляд, ее значимость?

Судить о значимости моего труда лучше другим – учёным, рецензентам, оппонентам, просто читателям. Я получила более 50 рецензий, отзывов, статей по поводу своей докторской диссертации и очень благодарна их авторам из России, Германии, Казахстана, Украины, Грузии и других стран. Так, по мнению доктора филологических наук, профессора, главного редактора журнала «Знамя» (Москва) С. Чупринина, исследование «закладывает основы новой научной дисциплины, которую соискатель называет этнолитературоведением».

Писатель и критик Герольд Бельгер отмечает, что в литературоведении до сих пор не ставился вопрос взаимодействия жанра и этнической картины мира, российско-немецкая литература не была предметом самостоятельного изучения, комплексно не исследовались этническая картина российских немцев и их национальные ключевые понятия. «Труд Елены Зейферт эффектно восполняет этот пробел в науке».

А доктор филологических наук О. Федотов (Москва) считает, что мое исследование обозначило новый этап в литературоведческом осмыслении поэзии российских немцев и что этот труд будет полезен для дальнейшего научного поиска и для развития самой российско-немецкой поэзии.

Творчество каких авторов стало объектом вашего исследования?

В общей сложности я изучила творчество 406 авторов-российских немцев бывшего СССР, СНГ, Германии. Многие из них пишут на немецком и русском языках. Это писатели разного уровня. Среди них есть очень талантливые писатели: Роберт Вебер, Иоганн Варкентин, Виктор Шнитке, Вальдемар Вебер, Александр Райзер, Александр Шмидт, Игорь Гергенрёдер, Виктор Гейнц… Есть и авторы, скажем, не первого ряда. Но литературовед не оценивает, а анализирует; для получения объективных научных данных необходимо рассмотрение не только вершинных, но и других произведений, формирующих процесс.

Вручение премий состоялось... Ваши впечатления о церемонии?

Величественная Schlossplatz в Штутгарте. Торжественная обстановка Белого зала Нового замка. Переполненный зал. Доброжелательные люди подходят, жмут руки, поздравляют, обнимают, говорят тёплые слова на немецком и русском языках… Со сцены звучит музыка. Министр Гериберт Рех вручает диплом и цветы, у него тёплый взгляд…

Председатель жюри, доктор Альфред Айсфельд, произносит речь, полную точных формулировок и тонких наблюдений в области истории и культуры российских немцев… Я обычно стараюсь избегать церемоний, но такие приём и радушие подкупили бы любого. К тому же на вручение мне премии приехали из соседней федеральной земли мои родственники – дядя, тётя и мой кузен.

Откуда Вы родом? Повлияла ли Ваша семья на то, что вы стали литератором?

Я родилась в 1973 г. в Караганде, в Казахстане. Отцовская линия – с Поволжья (фамилии Зейферт и Йекель), материнская (Дайтхе и Апостоловы) – с Украины. Как мои Grosseltern оказались в Караганде, нашему читателю объяснять не приходится. Моя мама – врач, отец – инженер. Мама в юности писала стихи, отец – влюблённый в чтение человек, обладает феноменальной памятью: запоминает наизусть практически все стихи и даже поэмы, которые прочитал; его страсть – русская поэзия XIX века. Папа знает немецкий фольклор. Ребёнком я любила, когда отец отлучался куда-нибудь по делам: ведь он нередко возвращался с новой книгой в руках. Для меня это всегда было событием. Дома было несколько тысяч книг. Я сама собрала около четырех тысяч, но забрать их из Казахстана в Москву мне пока некуда.

В такой большой работе, которую Вам пришлось сделать, трудно обойтись без поддержки других. Была ли у Вас такая поддержка?

Конечно! Я очень благодарна Герольду Бельгеру, который называет меня своей Enkelin. Кстати, он помог мне установить связь с Вами, а Вы познакомили меня в свою очередь с Ириной Лейнонен, замечательной супругой Роберта Лейнонена, и вы обе стали для меня связующим звеном со многими авторами… Вы же познакомили меня с Робертом Бурау, который издал затем мою монографию – он большой труженик. Моя сердечная благодарность Нине Паульзен, московскому профессору Олегу Клингу, оппонентам моей диссертации Сергею Чупринину, Олегу Федотову, Юрию Доманскому, научному консультанту Виктору Бадикову, редактору Татьяне Мельниченко, литературоведу и критику Светлане Ананьевой, и многим-многим другим замечательным людям. Особо тёплые слова – доктору Альфреду Айсфельду. Он своим примером ещё раз доказал мне, что хорошая энергия часто приходит совсем не оттуда, откуда её ждёшь. Я ничего для него не сделала, а он сумел оценить мои заслуги…

Почему Вы занялись российско-немецкой литературой?

Я - российская немка… Помню, как рад и горд был мой отец, когда я поделилась с ним темой исследования. Он, типичный российский немец, со сложной и исковерканной судьбой, увидел в этом, наверное, какую-то надежду: ведь в его молодости такая тема, да еще для докторской диссертации, была просто невозможна…

Были ли сложности в работе?

Одно дело - выбрать тему, но нести её как флаг – было нелегко. Ведь даже в научном мире меня нередко встречали вопросом: «А кто такие российские немцы?». Но никто уже не мог остановить меня. На моей стороне всегда были высокие профессионалы, крупные учёные. Защита моей докторской состоялась в МГУ и осталась в памяти как светлейшее событие...

Вы живёте в Москве, а не в Берлине или в Штутгарте…

Да, я теперь переехала в Москву. С радостью окунулась в литературный процесс, поработала уже в «Литературной газете», пишу критику для журналов, мой цикл стихов стал лауреатом московского литературного журнала «Дети Ра» за 2009 г. Готовлю в печать книгу своей литературной критики «Ловец смыслов, или Культурные слои» о русских и российско-немецких писателях.

Немецкий язык в Советском Союзе был единственным языком советских народов, на котором запрещено было писать диссертации. Моя книга о литературе российских немцев написана на русском языке, и в её основу положен анализ 711 авторских и коллективных сборников, подавляющее большинство которых написано на немецком языке… Я оставлю своё служение российско-немецкой литературе только в одном случае: если мне придётся бороться с несправедливостью, которая идёт от самих российских немцев.

В октябре вы дважды побывали в Германии…

Да, в театре им. Чехова в Берлине состоялись литературные чтения. В них с германской стороны приняли участие Александр Райзер и доктор истории, соавтор недавно вышедшего из печати справочника «Российско-немецкие писатели», замечательная Эрика Фогт, а также председатель отделения Землячества немцев из России в Берлине Александр Рупп, с российской стороны – делегация наших авторов. Были прочитаны авторами произведения, состоялся диалог с залом… Чтения стали уже традицией, и ее нужно обязательно продолжить, ведь важно сохранить единое культурное и литературное пространство российских немцев России и Германии. Мы создаём одну литературу, хотя и живём в разных странах.

На снимке: ***Елена Зейферт***
Фото: ***В.Жувакин***

Александр Фитц

Через тернии – к графену

Нашим читателям уже известно (см. НЛ № 2010-6), что нобелевскими лауреатами по физике 2010 года стали выходцы из России, сотрудники Манчестерского университета, Андрей Гейм и Константин Новосёлов. Награды они удостоены за открытие совершенно нового, сверхтонкого и сверхпрочного материала - графена. Сегодня мы предлагаем еще один материал бывшего сотрудника нашей газеты, ныне известного журналиста и писателя в ФРГ, подготовленный им для газеты «Русская Германия».

Графеновое чудо

Специалисты пророчат графену большое будущее в самых разных областях науки и техники. Графен – это плёнка из углерода, толщиной в один атом, двумерный кристалл. Он обладает уникальными свойствами, например, он сверхтонкий, но одновременно не пропускает даже самые маленькие из существующих в природе молекул – гелия. Графен сверхпрочен, он отличный тепло- и электропроводник, совершенно прозрачен и при всём этом может заменить полупроводники в микросхемах, выводя их размеры на принципиально новый наноуровень.

Впрочем, прерву перечисление достоинств и сфер применения этого чуда, так как они беспрерывно пополняются. Единственно отмечу, что в 2007 году Гейм за открытие графена получил медаль Мотта от Британского института физики, а в 2008 году вместе с учеником и коллегой Новосёловым - весьма престижную премию «Еврофизика» и германскую премию имени Кёрбера, присуждаемую учёным, «совершившим инновационные открытия, имеющие большое значение для науки».

Кроме того, Андрей Гейм на протяжении всей своей научной карьеры демонстрировал отличное чувство юмора. Так, в 2001 году он опубликовал работу, указав жившего у него хомяка Тишу соавтором, а чуть раньше, в 1997 году, в соавторстве с сэром Майклом Берри в журнале European Journal of Physics напечатал статью «О летающих лягушках и левитронах». За это, то есть за идею использования магнитов для левитации лягушек, в 2000 году он вместе с Майклом Берри был удостоен шуточной Шнобелевской премии, присуждаемой за самые идиотские научные исследования, «которые сначала вызывают смех, а затем заставляют задуматься». Таким образом, Гейм стал первым учёным, удостоившимся и Нобелевской, и Шнобелевской премии.

«Культуру и науку можно разрушить за два года»

Присуждение Нобелевской премии А.Гейму и К.Новосёлову вызвало в России новый прилив оптимизма. Стали напоминать, что оба они «воспитанники российской научной школы», что до отъезда за рубеж работали в академических институтах, и вообще слухи о смерти российской науки преувеличены. Поэтому, мол, пора не только приглашать иностранных учёных, всяких там американцев, французов, японцев и немцев с англичанами, но и возвращать своих, русских. Узнав об этом, Андрей Гейм заявил, что из ума пока не выжил, чтобы возвращаться, а идею «Сколково» (строящийся под Москвой научный центр) назвал «полнейшим сюрреализмом». Не горит желанием вернуться и Константин.

«Наука – это часть великой когда-то российской культуры, – пояснил Андрей Гейм. – Культуру можно разрушить за два года, что и было сделано. А чтобы восстановить её, нужны поколения новых людей, масштабная реконструкция фундамента. Один проект „Сколково“ ничего не решит, даже если в него заливают с таким пионерским пылом миллиарды. Потому что сегодня заливают, а завтра из-за отсутствия результатов (а так и будет) скажут: привет! все свободны».

И я, кажется, знаю, почему он не хочет возвращаться. В сентябре нынешнего года я побывал в Цюрихе, где встретился, как принято говорить, с одним широко известным в узких кругах финансовым советником, ведущим дела ряда российских бизнесменов в Швейцарии. Цель моего визита к нему была весьма далека от финансовых секретов российских бизнесменов. Просто у нас с ним одно хобби – собираем бюсты тиранов. Но, что естественно, обменявшись парой тиранов, мы с ним заговорили о России, точнее о перспективах её духовного и экономического возрождения.

– Мрачным мне видится будущее России, – сказал финансовый гуру. – И от этого всем будет плохо. Европейцам прежде всего.

– Да, воруют. Бессовестно воруют, – вздохнул я.

– Воруют везде, – уточнил гуру. – И в Швейцарии воруют, и в Германии, и в Голландии, не говоря уж об Италии. Но местные коррупционеры не вывозят украденное за рубеж, а вкладывают деньги в свои отечественные фирмы и банки, то есть создают

Андрей Гейм (слева) и Константин Новоселов

дома рабочие места, оживляя экономику.

– А Кремль, словно цементом пропасть, пытается залить образовавшиеся финансовые пустоты призывами к иностранцам вкладывать деньги в российские проекты, – сказал я.

– Что-то они, конечно, вкладывают, – согласился коллега-тиранобюстофил, – но это сущие пустяки в сравнении с тем, что россияне вывозят. И это касается не только финансов, но и, как приятно говорить, мозгов, которые, что бы и кто бы ни говорил и ни писал, возвращаться в Россию не хотят.

Вот такой неожиданный разговор случился у меня в Цюрихе, вспомнив о котором, я, кажется, понял, почему дым отечества для нобелевских лауреатов может быть и сладок, и приятен, но на расстоянии.

«Впервые меня назвали русским, когда я приехал в Англию»

Вторая причина, по которой именно Гейм не хочет возвращаться в Россию, заключается, как думаю, в том, что ему хорошо давали там понять, что он там не дома. Почему? Да потому, что он – немец. А как жилось в СССР, а теперь живётся в РФ и других бывших «братских республиках» российским немцам, объяснять нашим читателям, надеюсь, не нужно. Да, некоторым удавалось кое-чего добиться. Например, академику Борису Раушенбаху, пианисту Святославу Рихтеру. Но это были исключения…

«Каким же образом Андрей Гейм родился в Сочи? – слышу я недоумённый вопрос какого-нибудь въедливого читателя. – Ведь столицы союзных республик, вся Прибалтика, Калининградская область, а также города, относящиеся к категории престижных, были в 1958 году, когда он появился на свет, для советских немцев закрыты».

– Да, в ряде городов и регионов Советского Союза немцев действительно не прописывали, – объяснил мне этот феномен историк, сотрудник Гейдельбергского университета д-р Виктор Кригер. – Но это не относилось к так называемым шарашкам – засекреченным научным объектам или производствам, в которые со всего ГУЛАГа свозили не только цвет технической науки, но и просто нужных на тот момент специалистов. Одна из таких шарашек располагалась в Сочи, а отец Андрея Гейма – Константин Алексеевич Гейм, был инженером, мать, Нина Николаевна, урождённая Байер, тоже имела техническое образование. Поэтому в том, что они оказались в этом городе, когда все советские немцы находились под режимом спецкомендатуры в Сибири и Казахстане, нет ничего сверхъестественного.

В 1964 году семья Геймов переехала в Нальчик, куда на должность главного инженера строящегося там электровакуумного завода перевели Константина Алексеевича. Нина Алексеевна стала работать технологом, а затем главным технологом завода. К слову, в сравнительно небольшой Кабардино-Балкарии в тот период жило более 15 тысяч немцев – спецкомендатура была отменена в самом конце 1955…

В 1975 году Андрей с золотой медалью окончил среднюю школу №3 Нальчика и решил поступить в Московский инженерно-физический институт. Но на вступительных экзаменах его провалили. Вот как он сам рассказывает об этом:

«Через несколько лет мне объяснили (и это было для меня шоком), что для того, чтобы поступить в этот вуз с немецкой фамилией, надо было прежде обратиться в первый отдел (то есть в подразделение Комитета государственной безопасности. – А. Ф.) и получить соответствующую бумагу о моей благонадёжности. Но откуда мы в Нальчике могли знать такие тонкости? Вернулся домой, устроился на электровакуумный завод слесарем-электротехником. Родители наняли репетиторов по математике и физике, поскольку тогда причину неудачи мы видели только в наличии пробелов в знаниях. Занятия по математике, как я понял позже, были бесполезны – уровень подготовки в нашей школе был вполне достаточен для поступления. Уже во время учёбы в институте, приехав на каникулы, случайно нашёл свои тетради с контрольными по математике. Открыл и ужаснулся – как я эти задачи решал?! Вполне физтеховский уровень. Со стороны нашей учительницы Валениды Фёдоровны Седневой это был просто терроризм – давать всему классу задачи, требующие не только знаний, но и нетривиального мышления. Она приучала нас думать, искать – надо было извернуться, чтобы найти решение… После второго провала на экзаменах в МИФИ понял, что ситуация непробиваемая. У меня на самом деле не было шансов поступить – нежелательных абитуриентов собирали в отдельной аудитории и предлагали им особые, заведомо непосильные задания. Забрал документы и в тот же год поступил в МФТИ (Московский физико-технический институт), где, как оказалось, не было системы деления на тех, кого нужно и кого не нужно принять. Сейчас даже рад стечению обстоятельств, благодаря которому попал именно туда, куда следовало».

Вот вам, уважаемые друзья, и «равенство и братство всех народов», которые в современной России всё еще подзабыли упразднить. Или я ошибаюсь? Конечно, измени Андрей национальность в своём «серпасто-молоткастом», ему наверняка жилось бы легче. Но он этого не сделал.

В 1982 он с отличием окончил факультет общей и прикладной физики МФТИ (единственная «четвёрка» в дипломе – по политэкономии социализма) и поступил в аспирантуру. В 1987 получил степень кандидата физико-математических наук в Институте физики твёрдого тела (ИФТТ) АН СССР, где проработал до отъезда из СССР. В 1990 году Андрей стал стипендиатом Английского королевского общества и был зачислен в штат Ноттингемского университета, и его, как он вспоминал позже, «впервые назвали русским». Потом недолго поработал в Копенгагенском университете, затем профессором университета Неймегена, а с 2001 года он профессор Манчестерского университета, где руководит центром по «мезонауке и нанотехнологиям». Он почётный доктор Делфтского технического университета, Швейцарской высшей технической школы Цюриха, Антверпенского университета и ряда других престижных научных вузов.

«Чувствую себя человеком мира»

В 2008 году Андрею Гейму предложили возглавить институт Макса Планка в Мюнхене, но он отказался. Позже в интервью радио Deutschlandfunk он сказал: «Мои родители – немцы, у меня немецкая фамилия, мои предки – немцы. До шести-семи лет немецкий был моим родным языком. Сегодня я уже им не владею. Сегодня я чувствую себя человеком мира. Я путешествую из одной страны в другую…».

Но, как мне думается, есть ещё одна причина его отказа. Рассуждая о нежелании Андрея и Константина перебраться в Сколково, известный российский журналист Максим Соколов сказал, что Россию и Германию роднит то, что в обеих странах безвозвратно утрачена классическая школа прикладной физики – области науки, в которой учёные этих стран традиционно были сильны. В Германии это произошло потому, что после окончания Второй мировой войны в виде контрибуции наряду с произведениями искусства, технологическим оборудованием, станками и т.п. союзники вывезли практически всех учёных, в том числе и физиков. В результате нарушилась преемственность и, несмотря на все усилия и немалые финансовые вложения, достичь былых позиций в ФРГ не могут. В России то же самое случилось после 1991 года, с той лишь разницей, что оборудование и станки из неё никто не вывозил, а учёных покинуть страну вынудили.

Ну, то, что в России Гейма считают русским, я понимаю, но почему германская пресса придерживается того же мнения, для меня загадка, тем более что его родители и родной брат как немцы переехали в Германию в первой половине 90-х годов. Отец, скончавшийся в 1998 году, похоронен тоже в Германии. Здесь живут его двоюродные братья и сёстры. Впрочем, этот вопрос, наверное, нужно адресовать скорее не журналистам, а германским политикам.

И в заключение ещё одна интересная подробность. По данным весьма авторитетного издания Epoch Times Deutschland, второй нобелевский лауреат, Константин Новосёлов, родившийся в Нижнем Тагиле и закончивший местный лицей № 39, имеет не только русские, но и немецкие корни.

1941 – 2011. 70 лет депортации... и нереабилитации

Гуго Вормсбехер

Куда летит стрела

Национальная идентичность российских немцев как зеркало «национальной политики»

I. От приглашения до выселения

1. Всё движется… Покой уже не снится…

Об идентичности сегодня говорится так много, и этих идентичностей в научном, общественно-политическом и просто болтологическом обороте столько, что определимся: у нас речь пойдет о национальной идентичности российских немцев. И под ней будем понимать то, что отличает российских немцев от «других»: родной язык, национальная культура, национальный характер, образ жизни, обычаи и традиции. И - речь пойдет не об анализе, не о характеристике, не об «измерении» этих ее составляющих, а «лишь» о том, что воздействовало на них, приведя к сегодняшнему состоянию.

Идентичность, как можно заметить, не является чем-то неподвижно-постоянным. К тому же как явление, протяженное во времени, она предстает и субъектом (в действиях, интересах, целях народа, его различных групп и отдельных представителей), и объектом (воздействия различных исторических, политических, экономических процессов и сил), и одновременно сама является непрерывным «четырехмерным» (3D+вектор времени) процессом. Так что говорить о ней – значит говорить о постоянно движущемся-меняющемся субъекте-объекте-процессе. В этом она схожа с летящей стрелой, которая «неподвижна» только в условной отдельно взятой точке своей траектории. Хотя отличается от стрелы минимум тем, что в своем полете испытывает воздействие не только ветра и силы тяжести…

Будем также исходить из того, что национальная идентичность - характеристика достаточно условная, особенно национальная идентичность народа. Ведь она, как средняя температура по клинике, складывается из национальных идентичностей различных групп этого народа - территориальных, социальных, возрастных, которые в свою очередь складываются из идентичностей еще меньших общностей и отдельных личностей. И как рост, вес, цвет волос, умственное и физическое развитие у каждого индивидуальны, к тому же изменчивы (на смену пышной шевелюре иногда приходит сияние лысины, а вместо 90-60-90 вдруг вызывающее вопросы 120-120-120), так и национальная идентичность каждого (а значит и отдельных групп, всего народа) является характеристикой весьма подвижной, зависящей и от жизненных обстоятельств, в которых личности пришлось родиться, вырасти, жить и работать, и от отрезка времени, на котором она рассматривается.

И вряд ли есть две одинаковые национальные идентичности даже у представителей одного народа (какой ряд волшебных изменений милого лица она может претерпевать, всего лишь увидев бюджетную морковку, мы наблюдаем сегодня хотя бы на примере некоторых действующих лиц в национальном движении российских немцев). Однако вполне допустимо, наверное, говорить о национальной идентичности и этнических групп, и целого народа, пусть и как об усредненной характеристике. Потому что составляющие ее в той или иной степени присущи если и не всем, то всё же большинству представителей народа, устойчиво определяя отличия от «других». Благодаря чему соответствующий образ всплывает уже при одном упоминании национальности (например, итальянец или чукча, танец индийский или чеченский, баскетбольные команды Вьетнама или США). Будем это иметь ввиду. Как и то, что национальную идентичность невозможно (пока?) выразить в сантиметрах, граммах, герцах или килобайтах.

2. Кого призвала себе на службу Россия?

Понять феномен национальной идентичности российских немцев невозможно, не проследив ее «полет» с запуска несколько веков назад. Именно тогда в Россию по приглашению государства прибыли сначала различные специалисты, ученые, каких Россия, силы напрягая, еще не успела подготовить себе сама, но в каковых уже остро нуждалась. Потом из разных германских земель приглашались-зазывались-вербовались уже крестьяне и ремесленники – для заселения, освоения и защиты окраинных тогда земель в Поволжье и на Юге России.

Национальные идентичности представителей этих двух потоков очень различались по культурным, образовательным составляющим, по составляющим образа жизни, труда. Различию было суждено сохраниться и настолько развиться, что эти два потока в дальнейшем практически не соприкасались. Потому что первые стали в России городскими, в основном столичными, немцами, приобретая на государственной службе, в науке, культуре, искусстве, медицине всё больше «общероссийскую идентичность» вплоть до принятия православия и утраты немецкого языка; а вторые надолго стали колонистами-землепашцами и, проживая изолированно, сохраняли родной язык, вероисповедание, традиции и обычаи, не смешиваясь с «другими».

Но и колонисты имели далеко не единую национальную идентичность. Потому что они прибыли в Россию из разных германских земель, когда Германии как государства еще не существовало; когда немцы в разных землях говорили на разных диалектах, имели свои традиции и обычаи, и отличались друг от друга не меньше, чем, допустим, великороссы от малороссов. Различия были даже конфессиональные: колонисты представляли собой неравные по численности группы лютеран, католиков, меннонитов. Исходя из этих различий, они стремились и на новых землях селиться, создавая островки своей привезенной идентичности, своей прежней жизни; островки, где всё было бы «как на родине».

Различие условий жизни и деятельности у городских немцев и колонистов определяла и различие их судеб, их идентичности. Городские рождались, учились, жили и работали среди русских, впитывая в себя русский язык, культуру и сами внося немалый вклад в жизнь страны и столиц (50 тысяч немцев в Санкт-Петербурге – вполне можно себе представить, какое влияние они оказывали на жизнь города!); они вступали нередко в смешанные браки, и в их национальной идентичности всё большее место получала российская составляющая, весомо дополняя, а нередко и весомо замещая их немецкую идентичность, ведя к их обрусению.

Колонисты же с первых своих шагов на новой родине жили, как и раньше, в своей, немецкой среде: они рождались среди немцев, учились в немецких школах, ходили в немецкую церковь, мало соприкасались с «другими» (сельский труд этого не требовал); они практически не знали русского языка, и только воинская повинность, введенная для них через 100 лет после их прибытия в нарушение начальных договоренностей, вырывала их из немецкой среды.

Таким образом, у российских немцев даже на первом этапе их жизни в России национальная идентичность имела немало и общих, и различающих черт. К общим относилось то, что они (в старших поколениях) были рождены на германской земле; что они выросли, получили образование в немецкой среде; они все были приглашены заинтересованным в них российским государством; они все связывали с переездом в Россию надежды на востребованность своих умений, способностей, трудолюбия и талантов; они все проделали нелегкий путь переезда, длиной иногда чуть ли не в год; они уже на этом пути понесли первые потери «ради интересов России»; они знали только свой родной язык; и они не знали практически ни слова по-русски.

Различали же их происхождение из разных германских земель; языки-диалекты; конфессиональная принадлежность; образовательный уровень и сфера труда; время (с разницей в века), пути (сушей, Балтийским морем, Дунаем), опыт (даже через турецкий плен на Дунае) и условия переселения в Россию; материальное положение при въезде (если первых колонистов в середине XVIII века вербовали, оплачивая им даже переезд, то позже они должны были уже показывать наличие средств, позволяющих самим и переехать, и завести хозяйство).

Существенные различия вносила в идентичность и география расселения: Москва, Санкт-Петербург, другие крупные города; и – колонии-поселения в скудном Поволжье, на благодатном Юге России, в Крыму, в Закавказье. Но даже не проживая все вместе, российские немцы проживали компактно - в пределах городов или чисто немецкими поселениями и группами колоний, что и позволяло сохранять свою немецкую идентичность, на которую еще не оказывалось направленного воздействия извне.

В дальнейшем, по мере увеличения их вклада в становление и укрепление российского государства, в освоение и развитие его территорий, в товарное производство и экспорт сельхозпродукции; по мере всё большего их включения в жизнь страны, развития у них национального образования, издания газет и книг; по мере роста материнских колоний и образования многочисленных дочерних колоний, - территориальная

распространенность их компактных образований увеличивалась, а российская составляющая в их идентичности возрастала.

Несмотря на то, что городские немцы и колонисты по-прежнему представляли собой мало сообщающиеся общности, и те, и другие приобретали еще одну общую черту: всё большее значение для страны. Городские - в управлении государством, в его политической, экономической, военной, научной, культурной жизни; колонисты – в освоении и развитии территорий, в повышении их отдачи, в экономике страны. Теперь они по праву могли уже считаться одним из народов России, не меньшим по численности и значению, чем многие другие ее народы. Тем более что как народ они даже были не присоединены к России, не завоеваны, а рождены ею. Стрела их национальной идентичности набирала высоту по мере увеличения их укрепляюще-развивающего вклада в жизнь страны, - до первых всплесков борьбы с «немецким засильем» и распространения на них в годы первой мировой войны отношения как к противнику - за их национальность. Хотя им, может быть, не меньше, чем русскому народу, была присуща активная преданность своей новой родине. Преданность, которая вполне позволяла им солидаризироваться со Столыпиным в его фразе, брошенной разрушителям России: «Им нужны великие потрясения – нам нужна Великая Россия!». Поэтому служение российских немцев величию России и продолжалось до последнего часа этого величия, - до самой Октябрьской революции.

3. От революции до депортации

Октябрьская революция и всё, что за ней последовало, стало резким поворотным пунктом и в роли, положении, судьбе российских немцев, и в их национальной ментальности. Так получилось, что именно наиболее «огосударствлённая» их часть – городские немцы, после революции вдруг разом лишились своей прежней, так всегда нужной стране, государствоукрепляющей роли, и вообще будто исчезли. Немцы-военные – генералы, офицеры, нередко еще сражались в Белой армии (в Красной тоже попадались), в том числе среди казачества, где составляли значительную часть офицерства. Но цивильные городские немцы были уже не у дел - ведь свое предназначение они видели в службе царю и отечеству, а не в службе цареубийцам и разрушителям отечества.

Этот феномен: почти мгновенное отторжение, выключение из жизни страны прежде таких заметных и востребованных городских немцев, их исчезновение *вместе с жизнью дореволюционной России* и их неприход в жизнь новой России, - трудно объяснить иначе, чем их верностью своей исторической роли, их неспособностью, после веков служения России, стать разрушителями России, крушащими всё под вседозволяющим лозунгом «грабь награбленное»; неспособностью стать разрушителями порядка, культуры, храмов, веры. Это была не их роль, поэтому они оказались не только лишними, а, надо полагать, «враждебными» (ведь *«кто не с нами, тот против нас»*) для новой власти, которую на стадии *разрушения старого мира* массово оккупировали теперь на всех уровнях и во всех сферах уже люди другой ментальности – Швондеры и Шариковы.

Так городские немцы исчезли «как класс» вместе со своей еще не совсем утраченной немецкой ментальностью и давно укрепившейся в них общероссийской ментальностью. Исчезли, как и научная, культурная элита («дерьмо» для новой власти), которая, если еще не была расстреляна, то вышвыривалась из страны «философскими пароходами», чтобы не мешала *разрушать до основанья* хотя бы своим немым укором. Исчезли, как позже «исчезли» казачество и самая работящая часть крестьянства – опора аграрной страны.

Так самая значимая в течение веков часть российских немцев, - весь их верхний, наиболее образованный культурный слой, с огромным опытом работы во всех сферах государственной жизни, - была для них как народа и для государства утрачена. Навсегда. И остались практически только колонисты, которые, будучи расселены по окраинам прежней империи и привязаны к земле, не очень-то влияли на политические события ни раньше, ни теперь, но всё же оказались нужны и новой власти. Чтобы в самые тяжелые для революции часы, когда вообще решалась ее судьба, было у кого вымести подчистую запасы хлеба «для голодающих рабочих Петрограда», проводить порезультативнее продразверстки и коллективизации, обрекшие колонистов в 1921 и в 1933 гг. на массовое вымирание от голода; нужны были и как пример того, что колхозы всё же могут кое-что дать, особенно если загнать в них немцев-колонистов.

Образование АССР немцев Поволжья с «округлением» ее территории, сделавшим ее население вмиг на треть ненемецким; создание национальных районов; развитие нового школьного образования с более активным изучением русского языка; освоение новых профессий; совместный труд с представителями других национальностей; обязательная воинская повинность; новая система органов власти, где были теперь и колонисты; а также новые возможности для получения высшего образования, - всё это привнесло в до того мононемецкую идентичность колонистов существенные изменения.

Государственная политика требовала теперь и от них подготовки национальных кадров, представительства в органах власти, и они, впервые в истории, приобретали, пусть локальный, опыт «управления государством» как когда-то городские немцы. (О том, приобретали ли бывшие городские немцы при новой власти опыт хлебопашества, история пока умалчивает). Одновременно, после прихода в Германии к власти фашизма, против российских немцев начались репрессии, основанные на перепуганно-мстительном отождествлении национальности и нации, национальности и идеологии. В ходе этих репрессий почти все национальные кадры - партийные, советские, хозяйственные, интеллигенция, были расстреляны или отправлены в тюрьмы. Еще до начала войны были упразднены все национальные районы; преподавание в тамошних немецких школах было переведено на русский язык – при отсутствии для этого необходимого знания русского языка у школьников и учителей…

Отсюда вполне можно себе представить предвоенную национальную идентичность российских немцев как народа. Как и национальную идентичность каждого российского немца в отдельности – от измученных неспособностью осваивать школьную программу на русском языке учащихся до стариков, по-прежнему не знавших почти ни слова по-русски, но всем своим крестьянским опытом чувствовавших приближение катастрофы.

II. Пейзаж после цунами

1. «Земельные угодья» за «укрывательство шпионов»

Катастрофа не заставила себя долго ждать: слишком быстро продвигалась гитлеровская армия в благоприятные для нее летние месяцы; слишком громадными были потери Красной Армии, несмотря на неожиданное для германских генералов упорство и героизм ее сопротивления с ярким примером Брестской крепости (среди ее защитников оказалось немало и российских немцев). И хотя о боевых подвигах российских немцев газеты писали даже в те первые месяцы войны; хотя на фронте защищали свою Родину наравне со всеми и 33 тысячи российских немцев; хотя в АССР НП, как и по всей стране, у военкоматов молодежь требовала направить ее добровольцами на фронт, - 28 августа был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым немцы Поволжья обвинялись ни много, ни мало, как в укрывательстве тысяч и десятков тысяч шпионов и диверсантов и - в недонесении о своем укрывательстве властям. На основании чего их предписывалось выселить в районы Сибири и Казахстана и наделить там «земельными угодьями». Фактически это было обвинением всех российских немцев в пособничестве с предписанием принять меры по условиям военного времени.

И меры были приняты. Немцы Поволжья, а затем и из других еще не оккупированных европейских регионов страны, были депортированы. Российские немцы были сняты с фронта, вмиг превратившись из защитников родины в ее «потенциальных предателей». А после депортации всё взрослое население – мужчин с 15 до 55 лет, женщин с 16 до 45 лет, - «мобилизовали в рабочие колонны», т.е. отправили в лагеря, где они под конвоем, за колючей проволокой, со смертностью, сопоставимой (особенно на начальном этапе) с потерями на фронте, работали в тайге, на шахтах, на строительстве оборонных заводов – работали на Победу, до Победы и, кто выжил, и после Победы…

Депортация, трудармия, невиданные репрессии за национальность, послевоенный режим спецпоселения и дискриминация на десятилетия практически во всех сферах жизни не могли не сказаться самым драматичным образом на национальной идентичности. Ведь то, что депортацией все были разбросаны, распылены от Урала до Магадана, от Южного Казахстана до Заполярья; то, что их селили уже не сёлами, не колхозами, как намечалось, а семьями, где как удастся пристроить, - растерзало в клочья не только народ, но и коллективы бывших немецких сёл-хозяйств. И теперь «укрыватели шпионов и диверсантов» проживали среди людей, чей язык мало кто из них знал, и чьи сыновья, отцы, братья сражались и гибли на войне с немцами. В трудармии же всех ждала незнакомая прежде работа, колючая проволока, конвой да смертность, противостоять которой не помог и полученный от голода в 1921 и 1933 гг. теми, кто выжил, «иммунитет»...

2. Политразверстка по превентивным обвинениям

Как же сказалась депортация на идентичности российских немцев? Для ответа на этот вопрос надо сначала понять, чего они в результате нее лишились. А лишились они в этой *полит*разверстке гораздо больше, чем прежде во всех *прод*разверстках; лишились столького, сколько ни один другой народ в стране: практически всего.

В результате депортации российские немцы лишились статуса одного из народов страны. Лишились всех условий, необходимых для существования любого народа, в т.ч. главного условия - совместного проживания. Лишились государственности, а с ней – равных прав и равных возможностей с другими народами. Лишились своих органов власти и самоуправления, своего представительства в органах власти страны, лишились вообще представительства как народ – по сей день. Как народ они лишились экономической базы своего существования. Обвинениями в пособничестве врагу они были лишены доверия других народов страны: уже не делалось различия между российскими немцами – гражданами и защитниками страны, и немцами-гитлеровцами, напавшими на страну. Отождествление слов «немец» и «фашист» было распространено и на российских немцев. Недоверие к ним, запреты на профессии, на учебу во многих вузах, жесткие ограничения

1941 – 2011. 70 лет депортации... и нереабилитации

в продвижении по службе, представлении к наградам, дискриминация по национальному признаку, – стали государственной политикой.

Депортация лишила российских немцев социально-культурной инфраструктуры, национальных школ, средних и высших учебных заведений, газет, книг, радио на родном языке. Лишила даже общественных организаций (партийные и комсомольские «собрания» в трудармии, за колючей проволокой, на которые водили под конвоем и которые проводились под конвоем, вряд ли можно считать таковыми).

Разрушение национальной идентичности произошло и на уровне бывших территориальных групп. Потому что были ликвидированы все территориальные образования: автономная республика, национальные районы, существовавшие физически до самой войны, отдельные поселения. А с ними и складывавшиеся в течение полутора веков региональные, поселенческие общности-организмы с их историей, культурой, обычаями и традициями, своим языком. Эти общности были теперь оторваны от родной почвы, раскрошены до семей, до отдельных индивидов, рассеяны по огромной территории, чуждой по климату, по населению, его языку, образу жизни и ментальности. Уже не было в стране поволжских, украинских, крымских, кавказских, ленинградских или московских немцев как общностей; был только «немецкий спецконтингент». Трудармией на годы были также разделены мужчины и женщины, дети и родители, внуки и деды.

Вдобавок депортировать успели в начале войны не всех российских немцев: значительная часть украинских попала под оккупацию, проделав затем свой путь к сибирским «угодьям» через депортацию-угон в Германию, через «репатриацию» за колючую проволоку в те же трудармейские лагеря и под комендантский надзор на долгие послевоенные годы.

Ломка национальной идентичности на уровне народа, его территориальных групп и поселений не могла не сказаться на личностной национальной идентичности. Кроме общих изменений, коснувшихся каждого как представителя репрессированного народа, на нее влияли и факторы, связанные с принадлежностью к той или иной социальной или возрастной группе. Если бывший колхозник должен был теперь добывать уголь, учитель или преподаватель вуза – рыть лопатой траншеи под фундаменты, если 15-16-летние девушки и оторванные от своих детей матери должны были валить лес в тайге, заниматься подледным ловом рыбы на сибирских реках у Полярного круга и толкать под землей вагонетки с «черным золотом», и все вдобавок терпеть несправедливости и издевательства потому, что были *немецкой национальности*, то можно себе, наверное, представить, в какую сторону развивалась их идентичность.

Свое воздействие испытал и каждый возраст. Так, дети, оставшиеся одни среди чужих людей без всяких средств к существованию, в своих далеко не зимних одежонках, без знания русского или казахского языка, должны были научиться выживать, чтобы пройти жесткий «естественный отбор». (Как много общего и какие различия в этом были у них с детьми других национальностей, чьи отцы были на фронте, а матери с утра до ночи на работе, - наверное, тема особого исследования). У дошколят их выживание зависело почти полностью от того, остались ли с ними братья и сестры постарше, 9-13 лет, которые уже могли что-то зарабатывать в колхозе. У стариков - от того, насколько после коллективизаций, репрессий, депортаций и мобилизаций они могли быть еще полезны и способны к освоению языка мимики и жестов, - потому что практически не знали ни слова по-русски.

Ну, а у представителей среднего возраста, которые должны были совершать трудовые подвиги ради Победы почему-то непременно за колючей проволокой, - многое, даже жизнь, зависело от условий, в которых они теперь оказались. В значительной степени от того, каким было их лагерное начальство, насколько оно стимулировало результаты труда не урезанием и без того голодного пайка при невыполнении нормы, не приговорами к расстрелу «за саботаж» неспособных уже передвигаться от истощения, а заботой о поддержании трудоспособности «контингента». Зависело и от того, насколько «довольствие» трудармейцев (по нормам заключенных) было для начальства неприкасаемым; от того, сколько грузовиков-«полуторок» пустых консервных банок вывозилось позже из сараев этого начальства. И от того, насколько это начальство воспринимало как руководство к действию призыв самого именитого и признанного тогда сеятеля ненависти, писателя Ильи Эренбурга, – «Убей немца!».

В любом случае, для всех возрастных групп общим стало усвоение простой истины: быть российским немцем и при этом выжить в условиях войны с гитлеровскими немцами, даже работая на Победу, – шансов не больше, чем у тех же гитлеровских немцев. Отличие лишь в том, что издевательств, унижений, страданий и оскорблений до гибели приходится пережить гораздо больше, чем им…

3. Каждому поколению – свой язык?

Депортация самым катастрофическим образом сказалась и на языковой, образовательной составляющих национальной идентичности российских немцев. (Не только потому, что они были полностью лишены системы национального образования и уже 70 лет не имеют ни одного учебного заведения). Нагляднее это увидеть по возрастной шкале. Так, дети- дошкольники, оставшись без родителей в возрасте, когда ребенок наиболее восприимчив к усвоению языка, оказались фактически выключенными из сферы употребления родного языка: в русских деревнях и казахских аулах (основных местах подселения депортированных) никто по-немецки, естественно, не говорил (можно добавить: и очень не хотел слышать немецкий язык). Лишенные общения с родителями, со взрослыми, в течение всех военных и даже ряда послевоенных лет, они, если выжили вообще, могли сохранить из родного языка только скудный набор слов из своего довоенного детства, слов, которые от неупотребления всё больше вытеснялись русским и казахским деревенско-аульным лексиконом.

Дети школьного возраста, уже знавшие родной язык, в новых условиях также лишены были возможности сохранять и развивать его знание. И, включенные в трудовой процесс той же деревенско-аульной жизни, оставались и в рамках ее лексикона.

Два поколения взрослых (от 15 до 55 лет), находившиеся 4-5-6, а то и больше лет поголовно в трудармии, за колючей проволокой, на примитивных тяжелых работах, могли поддерживать свои знания родного языка разве что воспоминаниями о довоенной жизни. Потому что трудармейская жизнь, от мата конвоиров и начальства до стремления экономить силы даже молчанием, опять же вела к пассивизации родного языка и пополнению знаний русского языка лишь в пределах лексикона лагерной жизни, подконвойной работы, приговоров и сообщений о приведении их в исполнение.

Так и получилось, что после войны, когда выжившие оказались опять вместе (если оказались), повзрослевшие дети еще кое-что понимали иногда по-немецки, но когда родители, так и не научившиеся достаточно русскому языку, обращались к ним по-немецки, отвечали им уже по-русски…

Говорить о том, как депортация сказалась на интеллектуальном развитии российских немцев, – а ведь это тоже не последняя по значимости составляющая национальной идентичности народа, занимавшего до войны одно из первых мест по уровню образования, - сегодня, наверное, вообще «некорректно»; посмотрим лучше, как она сказалась на их общем развитии. Тут много схожего с тем, что происходило в сфере родного языка.

Так, дети, лишенные общения с родителями, старшими братьями и сестрами, дедушками и бабушками (которые часто попадали почему-то в другие села-аулы), не могли и перенимать их жизненный опыт, их образ и уровень мыслей, их знания, и оставались в основном в сфере собственного «жизненного опыта».

Дети школьного возраста были в военные годы фактически лишены возможности ходить в школу, Не только потому, что им надо было работать, чтобы выжить, или потому, что не в чем было ходить в школу, тем более зимой, да нередко в другое село. Но и потому, что многие (из АССР НП все) до депортации учились в немецкой школе; теперь же им в русской школе приходилось «учиться дальше» без знания ее программы по-русски за уже пройденные ими классы по-немецки. А после войны они могли продолжить образование только в вечерней школе, - ведь они уже работали. Отсюда они, как правило, не могли себе позволить ни закончить среднюю школу, ни поступить в техникум или институт. Так на всем младшем поколении сказались слабое знание и родного, и русского языка, и задержанность общего развития.

Трудармейская молодежь была разделена по своей идентичности как минимум на три группы, неодинаковые и по численности. Одна – из уцелевших городских немцев, многие со средним образованием, иногда и со студенческим опытом, вполне владевшие русским языком и не всегда – немецким, с более широким кругозором и жизненным опытом. Вторая – образованная молодежь из колонистов, которая тоже овладела русским языком, но успела впитать и родной диалект, и литературный немецкий язык, и национальные обычаи и традиции, чем очень отличалась от городской молодежи. И третья – та сельская молодежь, которая не смогла до войны преодолеть традиционные для села материальные барьеры в получении образования: она должна была начать рано работать и в лучшем случае имела семилетку немецкой школы.

Вся эта молодежь в условиях трудармии не только не получала пополнения знаний и образования, но, каждодневно стоя перед суровой задачей выживания на заготовке леса, добыче угля и т.д., постепенно забывала и знания, полученные до войны. А после трудармии практически была лишена возможности учиться дальше, - с немецкой национальностью, на режиме спецпоселения, без должного знания большинством русского языка, а также создав теперь уже и семьи. Тяга к образованию всё же помогла некоторым преодолеть преграды, стать специалистами сельского хозяйства, техниками, учителями немецкого языка. Из последних потом вышли нештатные корреспонденты и сотрудники немецких газет, даже писатели и поэты с немалым личным опытом жизни, который, однако, до самого конца перестройки практически не мог быть отражен в их творчестве – цензура для немецкой национальной идентичности и истории была непреодолимей, чем колючая проволока в трудармии.

Самой устойчивой возрастной группой носителей национальной идентичности были, несомненно, взрослые трудармейцы. Потому что у них она была сформирована годами жизни в немецкой среде. И в трудармии они носили ее в себе, будучи лишь ограничены в возможности ее проявления. Изменение их идентичности происходило в основном в форме пополнения ее тем, что вызывалось их новым «статусом», их национальным и человеческим унижением,

1941 – 2011. 70 лет депортации... и нереабилитации

условиями их лагерной жизни и работы, новым осмыслением ими своей роли, значения, своего будущего. Размеры утрат в знании родного языка или приобретений в знании русского языка определялись «ареалом» их проживания, обозначенного караульными вышками; тематикой их общения друг с другом и с «внешним миром» в лице конвоиров и лагерного начальства; а также их возрастом, замедлявшим процессы усвоения нового. Поэтому после трудармии, уже на спецпоселении, и до конца своей жизни, они оставались главными носителями довоенной национальной идентичности российских немцев: в них было живо то, что они впитали в себя в детстве, юности и зрелости; то, что помогало выживать в трудармии; то, что не давало угаснуть надеждам на возвращение к прежней жизни.

В отсутствие у российских немцев во время войны, после войны и практически по сегодня национальных очагов культуры (Немецкий драмтеатр, открытый в 1980 г. в загазованном Темиртау, и эстрадный ансамблик при Карагандинской филармонии – лишь исключения-эпизоды), зрелое поколение российских немцев было и оставалось последним хранителем и носителем основных составляющих национальной идентичности: диалектов, культуры, фольклора, обычаев и традиций, живой национальной истории. Именно они превращали общение в воспоминания о том, как было «дома»; в соревнование, кто расскажет лучшую историю из «прежней» жизни; в конкурс на лучший шванк; в устный обмен прочитанными когда-то произведениями, - что в условиях, когда до 1980-х гг. (как впрочем и сегодня) в немецких семьях не было немецких книг кроме чудом сохраненной иногда семейной Библии, означало очень много и для самого этого поколения, и для следующих поколений, узнававших из этих воспоминаний, что до войны, оказывается, у российских немцев тоже была какая-то жизнь, и что она очень отличалась от нынешней.

Это же поколение неизменно удивляло своих инонациональных соседей в праздники тем, что проводило их практически трезвыми и всё же очень весело, с не всегда виденными танцами – полька, краковяк, быстрый вальс, и с многоголосым пением красивых старых песен. Из этого поколения вышла основная инициативная часть первых двух делегаций советских немцев, добивавшихся в 1965 г. в Москве восстановления их государственности.

4. Недосмотр с архипелагчиком идентичности

Мы пока не касались национальной идентичности еще одной группы российских немцев – жителей дочерних колоний, образовавшихся на рубеже XIX-XX вв. на Алтае, в Омской области, в Оренбуржье, в Казахстане и в Киргизии. Это десятки сел, где национальная жизнь и идентичность, привезенные из материнских колоний, сохранялись порой даже лучше, чем позже в некоторых материнских, уже подвергшихся основательному воздействию извне. Дочерние колонии тоже испытали на себе прелести гражданской войны, когда *белые придут – грабят, красные придут – грабят,* да еще уводят с собой мужчин с лучшими лошадьми. Но их жителей хотя бы не сжигали, по приказу комиссаров в кожанках, живьем, заперев в амбарах, как это бывало в колониях на Юге Украины.

В ходе раскулачивания и после прихода Гитлера к власти они тоже попали под репрессивную волну: иногда больше половины мужчин в селе было арестовано, осуждено, расстреляно – за то, что в Германии очередной канцлер пришел к власти, не заключив сначала пакта Молотова-Риббентропа. Они тоже лишились в тридцатые годы образования на немецком языке, когда из школьных библиотек выбрасывали на улицу и сжигали всё, что там было на «фашистском языке», даже произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, – немецкий язык превращал во врагов даже классиков...

Тем не менее, обитателей дочерних колоний не успели обвинить в укрывательстве шпионов, как немцев Поволжья и всех, кто говорил, лепетал и дышал по-немецки в европейской части страны. Поэтому их не выселяли – некогда было? или дальше уже некуда было? - и у российских немцев остались островки с немецкими диалектами, традициями, обычаями, образом жизни. Жителей этих сел не коснулась и первая мобилизация в трудармию: она касалась только переселенных, которые даже на новых «земельных угодьях» осмеливались высказывать невосторженный образ мыслей по поводу несправедливых (на их некомпетентный взгляд в отличие от всегда компетентного взгляда компетентных органов) обвинений и невыполнения обещаний, данных при выселении: о компенсациях за сданную недвижимость, скот, хлеб и проч., а также по поводу своего положения. Причем осмеливались высказывать не про себя, как положено патриоту, а вслух, что сразу становилось известным уже местным компетентным органам. И что заставляло эти органы думать, как предупредить опасное развитие невосторженных мыслей. Что привело к новой компетентной мысли: изъять из прибывшего контингента для начала всех наиболее опасных, т.е. мужчин, и локализовать их тягу к не тем мыслям в месте, огражденном колючей проволокой…

Так первая мобилизация *местных* немцев не коснулась, что позволило им получше подготовиться к трудармии. И прибыли они в нее уже когда ужас, через который прошли первые эшелоны мобилизованных, обогатил и трудармейцев, оставшихся в живых, и их начальство опытом: одних в выживании, других в организации содержания и работы «контингента».

Им повезло и в том, что в трудармию они смогли приехать в гораздо более приспособленной одежде, чем депортированные, – всё же сибиряки, и могли получать продуктовые посылки – ведь у них «дома», в отличие от переселенцев, оставались и дома, и личные хозяйства. У них и дети после мобилизации родителей оставались в родной немецкой среде, часто с бабушкой и дедушкой, в родном доме, с совсем другой, чем у депортированных, материальной базой. Поэтому и выживаемость у этих трудармейцев была, слава Богу, повыше (что дает сегодня некоторым даже повод утверждать, «на личном примере» и «примере родного села», что смертность в трудармии вообще была «намного ниже», чем другие «некоторые» пишут).

Дочерние колонии играли важную роль в сохранении национальной идентичности и в послевоенное время. Потому что их жители, не будучи выселенными, не утратив экономической базы в виде колхозной собственности, избежав конфискации имущества, сохранили и национальные коллективы-организмы своих сел. И оставались в атмосфере родного языка: даже десятилетия спустя дети из этих сел, приходя в первый класс, не знали иногда русского языка. Именно в этих селах было потом легче ввести преподавание немецкого языка как родного: без труда набрать нужное число детей для открытия групп и найти преподавателей.

Зато в конце перестройки и после развала СССР, после полученного отказа в восстановлении государственности российских немцев, именно из этих сел выезд в Германию был особенно разрушительным. Потому что родственные, соседские, религиозно-общинные связи сказывались на принятии коллективных решений о выезде. И потому, что знание немецкого языка – одно из основных требований германской стороны при приеме российских немцев, у жителей этих сел было гораздо лучше. В результате некоторые дочерние колонии вообще закончили свою вековую историю; а остальные во многом утратили свою немецкость после смены выехавших пополнением из иноязычного окружения или из немцев Казахстана, ассимилированных гораздо больше.

Но на самом излете вековых усилий, позволивших этим селам сохраниться даже в годы Советской власти, на Алтае и в Омской области удалось еще создать на их базе, под дальний рев «Люфтганзы», увозящей всё новые тысячи российских немцев, два «немецких национальных района». Сегодня, когда и здесь произошла основательная смена населения (немцев уже меньше трети), коренным образом изменилась и национальная идентичность этих районов, сел, жителей. Что ставит серьезнейшие задачи по ее сохранению. Задачи, решить которые самим районом уже не по силам.

5. *«Пусть снаряды выкапывают...».* Выезд

Война опалила все народы СССР. И мало было семей, в которых никто не погиб на ней. У российских немцев тоже. Только их погибло больше не на фронте, а в трудармии, работая на Победу, да в местах депортации - в ожидании Победы и родителей. И можно, наверное, сказать, что как трагедия войны и отношение к немцам-гитлеровцам вошли на генетическом уровне в память каждой клетки у каждого советского человека и стали постоянной болетворной составляющей его и общесоветской, и национальной, и личностной идентичности, так трагедия войны, трудармии, репрессий, бесконечной дискриминации и отношение ко всему этому (надеемся, без «национальной персонификации») вошли в память каждой клетки у каждого российского немца. И живы до сих пор. Живы, потому что до сих пор поддерживаются, активируются до нестерпимой боли отсутствием реабилитации. И стали существенным моментом их национальной идентичности. Что как прорыв плотины и проявилось в выезде в 1990-е годы...

По официальным германским данным, на «историческую родину» выехало около 2,5 млн. российских немцев. Это на полмиллиона больше, чем насчитали советских немцев по последней переписи населения в СССР вообще (такие уж были тогда переписи; впрочем, раньше бывало немцев и вовсе «не находили»). Тем не менее, в одной России уже по первой переписи оказалось без малого 600 тысяч тех, кто еще осмелился записаться немцем. И около 300 тысяч российских немцев оставалось в Казахстане, Киргизии, Средней Азии (впрочем, они из политкорректности называются теперь не российскими немцами, а немцами Казахстана, Кыргызстана и т.д.). Таким образом, выезд еще раз, и как никогда, разорвал народ, переместив две трети его уже в «дальнее зарубежье». Навсегда? – это вопрос, который не может не волновать. Полагаю, не только российских немцев.

Но выехавшие – неотъемлемая часть народа, и их жизнь, их будущее обойти тоже нельзя. Остановимся на германском отрезке полета стрелы. Прежде всего на *причинах* выезда, которые, на наш взгляд, были теснейшим образом связаны с тогдашним положением, состоянием, с тогдашней национальной идентичностью как всего народа, так и его отдельных групп, индивидуумов. (Сразу скажем, что среди этих причин были, конечно, и чисто экономические; об этом говорит хотя бы тот факт, что инициаторами выезда в смешанных семьях нередко были русские супруги, которых трудно заподозрить в стремлении путем выезда сохранить, или приобрести, немецкую идентичность. Но вряд ли можно соглашаться с теми, кто пытается причины выезда свести только к «бегству за колбасой». Нас же интересует в основном *национальный* аспект выезда).

Пройденный с 1941 года путь репрессий, несправедливостей, дискриминации; невосстановление государственности российских немцев (когда у других народов она была восстановлена), что фактически означало намерение продолжить политику их ассимиляции до конца, - это, надо

1941 – 2011. 70 лет депортации... и нереабилитации

полагать, уже вполне достаточный повод, чтобы решиться на выезд. А если учесть, что этот опыт наложился еще и на опыт из времен первой мировой войны, революции и гражданской войны; на опыт голода 1921 и 1933 гг.; на опыт довоенных репрессий с привязкой их к фашизму в Германии; наложился на схожий во многом опыт других народов России; наложился и на многолетнее преследование тех, кто после подавления попыток добиться реабилитации в 1965 году пришел к выводу, что единственный выход теперь - эмиграция; и если вспомнить еще заключительный аккорд: как после принятия в России Закона «О реабилитации репрессированных народов», возродившего было надежды на восстановление справедливости, «гарант Конституции» во время своего пребывания в Саратовской области сделал пьяное «ответственное заявление», что *«ни один дом не будет снесен ради немцев Поволжья»*, и предложил им вместо республики селиться на военном полигоне, *«выкапывать там снаряды, и Германия пусть поможет»*, - то «повод» для выезда превращался уже в откровенное, издевательское выталкивание в эмиграцию.

А ведь нельзя еще забывать о том, что творилось в стране до и после ее распада. Как обрушился жизненный уровень в ней. Какой беспредел буйствовал во всем. А также какие небывалые прибыли приносил выезд российских немцев быстро образовавшейся мафиозной «системе сопровождения» этого выезда: от местных крутых ребят, которым выезжающие в установленные сроки «дарили» свои дома и автомобили; от чиновников, оформлявших документы, до замыкающего таможенника в аэропорту, изымавшего последние сбережения, - то выезд был превращен фактически в садистское вышвыривание государством своих граждан, виновных разве что в том, что они не все погибли от прежних издевательств. И можно себе представить, чем такой выезд «обогатил» национальную идентичность, - не только выехавших, но и оставшихся…

Однако голубые мечты выезжающих о том, что уж на исторической-то родине… среди немцев… после всего, что мы пережили… нам, немцам… и т.д. – во многом так и остались мечтами. Потому что если и не для всех, выезд оказался лишь бегством от одних проблем к другим. Что еще раз существенно обновило национальную идентичность и выехавших, и оставшихся.

Так, очень скоро выяснилось, что на «исторической родине» российские немцы, оказывается, если и немцы еще, то совсем другого сорта, чем местные; а чаще они уже и не немцы, а «русские»; что здесь для них хотя и нет официального запрета на профессию, но все их дипломы и диссертации не признаются; что местное население смотрит на них с таким чувством превосходства, с каким не смотрело русское или казахское население со времен окончания войны; что незнание литературного немецкого языка является, оказывается, их виной, и лишает их многих возможностей эффективнее, чем лишала их немецкая национальность в России.

Особенно тяжелой ломка национальной идентичности была у школьников и молодежи – по той же причине незнания немецкого языка ввиду отсутствия раньше возможностей для его изучения. Но дети в школах стали быстро осваивать его, что привело к повторению послевоенного феномена, когда вернувшиеся из трудармии родители и их подросшие дети говорили уже на разных языках: родители с ними по-немецки, а дети им отвечали по-русски. Только теперь стало наоборот: по-немецки говорят дети, а по-русски отвечают им родители… Богата идентичность российских немцев яркими развитиями!..

Тем не менее, сегодня основные трудности (на верном пути к ассимиляции) для многих выехавших вроде уже позади. «Интеграция» младшего поколения (которое и определит будущее российских немцев в Германии) идет вполне успешно, и российская составляющая вытесняется из его национальной идентичности с каждым днем быстрей. Меньше поддается интеграции среднее поколение: его российсконемецкость и русскость еще держатся, и германской немецкости пробиться через них трудно - она, если и не ограничивается как прежде осторожным стуком во входную дверь, дальше прихожей проникает не так уж часто. А что касается старшего поколения, то от него и не требуется особой «интеграции»; трудности же его новой жизни вполне компенсируются социальной обустроенностью, о каковой на прежней родине до сих пор не приходится и мечтать.

Надо также отметить, что с выехавшими была вывезена значительная часть еще имевшегося потенциала немецкой идентичности народа в виде знания родных диалектов и литературного языка, немецкой культуры, немецкого образа жизни, традиций и обрядов, - так ярко вспыхнувших напоследок в Немецком драмтеатре и в немецкой самодеятельности. Этот потенциал, неимоверно трудно сохранявшийся десятилетиями, теперь почти весь оказался на «исторической родине». Как почти и все учителя родного языка, работники культуры, журналисты и писатели, ученые. В Германии этот потенциал пригодился разве лишь чтобы лучше «интегрироваться»; в России, где даже то немногое, что было у российских немцев в советское время, практически «исчезло», - восстановить эту потерю собственными силами, тем более при бездействии, а чаще противодействии тех, в чью компетенцию входит «забота о народе», выглядит уже маловероятным.

6. *«Будем молиться за республику в России»*

Для полноты картины еще несколько слов о национальной идентичности российских немцев в других странах СНГ. По хронологии и силам воздействия она во многом схожа с ее «развитием» в России. Отличия в том, что во времена СССР российские немцы находились там в среде функционирования еще и этнической власти, языков и культур. После развала СССР этнократия там резко усилилась, и гораздо радикальней сократилось число российских немцев: если в России на треть, то в Казахстане, например, в четыре раза, в Киргизии – в 10 раз. Там меньше было и дочерних колоний как островков сохранения немецкой идентичности. Не было и надежд на создание национально-территориальных образований, а значит, и стремления добиться их, отсюда уклон немецкого движения в подрядно-коммерческую деятельность. Поэтому немецкое движение там не вызывало у властей такого беспокойства как в России, а значит, и забот о его нейтрализации через создание и подпитку сил противодействия ему: ведь иной дороги, чем к «естественной» ассимиляции, у немцев там нет. А то, что избежать ее можно лишь при восстановлении их государственности в России, немцы давно понимают; не случайно же многие из них после развала СССР хотели переехать в Россию, где их прием, однако, был ограничен еще жестче, чем в Германии. О понимании единственности этого варианта избежать ассимиляции свидетельствуют и прорывающиеся иногда в прессу высказывания, как, например, епископа Евангелической лютеранской церкви в Узбекистане Корнелия Вибе. На вопрос журналиста, о чем он мечтает, он ответил: о республике для немцев в России. И добавил, что лично знает тысячи людей, которые поедут туда, если такая республика будет образована. *«Будущее за этим. Мы будем молиться за автономию»*, - таково его мнение, а он-то уж должен знать, чем живет его паства.

7. Депортация и любовь

Одно из самых зримых изменений в национальной идентичности российских немцев - смешанные браки. Если до депортации они у колонистов были редким исключением, то в результате депортации, ликвидации совместного проживания и распыления по огромной территории; в результате разделения мужчин и женщин на годы в трудармейских лагерях; в результате закрепления распыленности и разделенности режимом спецпоселения; в результате постепенной урбанизации до половины российских немцев в послевоенное время; и в результате запрета на возвращение в довоенные места жительства, невосстановления их прежних территориальных образований, - российские немцы были просто вынуждены вступать в смешанные браки. Число их неуклонно росло, и сегодня, по разным данным, их уже за 80%. Надо ли говорить, что при всех остальных воздействиях на личностную национальную идентичность смешанные браки почти не оставляли шансов на сохранение ее главных составляющих: родной язык, национальная культура, традиции и обычаи? Тем более при жизни в иноязычной, иноэтничной среде, в условиях отсутствия ее внешней поддержки? Ведь воспроизводство и сохранение национальной идентичности – у личности, группы, народа, - как и продолжение рода, в одиночку не обеспечишь. Нужно жить вместе – национальной паре, общине, народу.

8. О «пользе» депортации: «объединение» через распыление? «спасение» через уничтожение?

Чтобы оценить последствия депортации для российских немцев и их национальной идентичности, достаточно двух слов: национальная катастрофа. И трудно воспринимать сегодня утверждения некоторых «ученых» о том, что депортация «объективно» имела и положительные последствия, а именно: *«депортация объединила разрозненных до этого российских немцев в единый народ»; «депортация спасла российских немцев, в первую очередь мужчин, от гибели на фронте и приблизившихся к самой Волге боевых действий»; и даже – «российские немцы и сами положительно воспринимали депортацию»*.

Трудно себе представить, что позволяет делать такие выводы. Да, российские немцы проживали до депортации в разных регионах. Но это совсем не означает, что они не были одним народом: ведь они проживали компактно, чисто немецкими селами, группами сел, районами, и даже в своей республике. Между этими регионально рассредоточенными немцами было мало контактов? Допустим. Но - много ли имелось в стране тогда и имеется сегодня народов, целиком проживающих вместе? Например, сколько татар, башкир, чувашей, мордвы проживает в разных регионах России? Их тоже нельзя считать народами? И даже русские, которые живут в разных областях и краях, а миллионы - за пределами России, тоже не народ? Кто тогда вообще на Земле является народом кроме племени умбаюмба, собравшегося в полном составе вокруг костра, чтоб мясо белых братьев жарить?

И – что, «разрозненные» российские немцы были депортацией наконец объединены на одной территории? Или они были ею лишены даже рассредоточенно-компактного проживания? Даже селами? Даже полными семьями? Лишены возможности общения кроме как за колючей проволокой? Это и следует считать «объединением в народ»?

Физически, территориально депортация раскрошила и размазала российских немцев как народ до состояния этнического графена, а «объединила» их только как контингентный объект репрессий и дискриминации по национальному признаку. Если считать, что именно это ведет к «объединению народа», то самыми едиными народами являются, надо полагать, обитатели концлагерей. Так что же, «национальной политике» пора применить это к еще не до конца «объединенным» народам? Хотя бы чтобы

не вызвать у них зависти к «объединенности» российских немцев и предупредить очередной всплеск борьбы с «немецким засильем»?..

Еще большее отторжение вызывает вывод о том, что депортация для российских немцев была спасением. Потому что уж очень специфичным выглядит научное мышление, способное трактовать потерю (а точнее - уничтожение) трети народа в тылу, сопоставимую с потерями живой силы на фронте, как спасение народа…

И - действительно ли российские немцы восприняли депортацию «положительно»? Хотелось бы узнать имя хотя бы одного российского немца из той репрезентативной группы, анкетирование которой дало такой результат. Можно, наверное, допустить, что умудренные жизнью немцы-старики, наблюдая за начальным развитием Великой Отечественной войны, не исключали повторения депортационной практики времен Первой мировой войны; возможно, были даже убеждены в ее неизбежности. Но считать это «положительным восприятием» депортации!..

III. Особенности национального народосудия

В самом начале мы предложили, для краткости, считать национальной идентичностью российских немцев то, что отличает их от «других». Наверное, сейчас можно уже более подробно остановиться на отличиях. И тем самым попытаться ответить на еще один нередкий вопрос: мол, всем в России было нелегко, чем же труднее было российским немцам? Ответить совсем не для того, чтобы, показав страдания российских немцев (о которых так любят говорить наши сегодняшние подрядные «национальные лидеры», чтобы выдавить у двух государств очередную слезу в виде бюджетных средств на «проекты»), вызвать к ним особое отношение. А чтобы ясней, понятней были они и другим народам страны, и властям, – потому что национальная идентичность, хотим мы этого или нет, очень определяет состояние, цели, интересы, поведение народа, его отдельных групп, каждого его представителя. А значит, ее знание может помочь и в национальной политике, хотя бы в понимании проблем народов, что совсем не лишне в многонациональной стране.

Неоспоримо, что нелегкий путь прошли все народы России. Невозможно и не признать (причем совсем не из соображений «политкорректности» или из естественного долга меньших в семье выказывать свое уважение старшим), что самым драматичным был этот общий путь для русского народа. И по масштабам – по абсолютным цифрам жертв в двух мировых войнах, в гражданской войне, в периоды индустриализации, раскулачивания, расказачивания, коллективизации и репрессий; и по неизмеримо большему грузу ответственности за судьбы страны, всегда лежавшему и сегодня лежащему на нем; и по его вкладу в подъем и развитие экономики, культуры, уровня жизни других народов страны (в немалой степени за счет собственного развития); и по тому, что власть в стране почему-то никогда не давала повода хоть иногда, хоть чуть-чуть, заподозрить ее в прорусскости. А ведь от самочувствия русского народа больше всего зависит самочувствие страны и ее народов. И не может быть, - а если по справедливости, то и не должно быть, - хорошо другим в настоящей семье, если ее основной работник живет и чувствует себя хуже других…

Несомненно, в идентичности народов нашей страны, после многовековой общей истории, совместной жизни, пережитых вместе бед и радостей, очень много общего. Тем не менее, в идентичности каждого народа и немало присущего только ему. И российские немцы не исключение.

Так, в отличие от других народов (сопоставимых хотя бы по численности), только у них нет сегодня своей территории, нет возможности проживать вместе, нет своей экономической базы, нет своих учреждений национальной культуры, нет ни одной национальной школы, практически не изучается родной язык, нет национальной печати, нет издательства, нет радио- и телепередач, нет своих национальных кадров.

Только у них уже 70 лет нет своих органов власти, нет представительства в органах власти страны. (Единичные депутаты, высокопоставленные чиновники и менеджеры, хотя и немцы по национальности, представляют не немцев, а регионы или партии; и попали на свои места не потому, что они из российских немцев, а несмотря на это - просто по своим деловым качествам; к тому же они чаще всего стараются – отзвук прежних времен? – всеми силами дистанцироваться от проблем своего народа).

Только у российских немцев сегодня такой высокий процент смешанных браков (в основном с русскими); только у них процент утративших родной язык преодолел всякий мыслимый рубеж; только им недоступна их дореволюционная, довоенная, послевоенная и сегодняшняя литература; только у них нет ни одной библиотеки, ни одного музея изобразительного искусства; только у них нет ни одного национального архива. (Архив АССР немцев Поволжья в г. Энгельсе – это архив только дореволюционных, довоенных документов, причем только о немцах Поволжья; о немцах других регионов России, т.е. большинстве народа, там практически ничего нет; и принадлежит этот архив, закрытый с 1941 и до конца Советской власти, совсем не российским немцам; и будущее его зависит совсем не от российских немцев, а от всё той же буйствующей везде и всюду рыночной экономики и ее представителей во власти).

У российских немцев уже 70 лет нет даже места, где уходящие из жизни писатели, ученые, деятели культуры и искусства могли бы оставить потомкам свои архивы, что уже привело к невосполнимым утратам и с каждым годом продолжает их увеличивать. Даже уход из жизни не позволяет российским немцам преодолеть свою прижизненную разбросанность: на территории СНГ есть ухоженные кладбища солдат вермахта и немецких военнопленных, но нет *ни одного* кладбища российских немцев; могилы даже членов одной семьи рассеяны по разным областям, краям, а теперь и странам.

«Ассимиляции» подверглись даже бывшие поселения российских немцев, - в них не только давно живут не немцы, а у них даже названия давно иные, и из тысяч этих бывших поселений найдется ли еще хотя бы два десятка, сохранивших свои немецкие имена?

Вместе с российскими немцами путь репрессий и депортаций, режим спецпоселения и годы дискриминации прошли и другие депортированные народы. И вряд ли кто поймет сегодня российских немцев лучше, чем эти братские по несчастью народы, на которых репрессии были обрушены после того, как были опробованы на советских корейцах и отработаны на российских немцах. Но и здесь есть существенные отличия.

Так, российские немцы были обвинены в укрывательстве «тысяч и десятков тысяч шпионов и диверсантов» превентивно, без единого доказательства этой вины. И выселены тоже превентивно, еще до прихода (или неприхода вовсе) гитлеровских войск на их территорию. И обвинены были по принципу отождествления понятий национальность и нация, национальность и идеология.

Другие репрессированные народы были обвинены уже после освобождения их территорий от гитлеровских войск, обвинены тем же методом введения коллективной вины. За факты сотрудничества с врагом. И если обвинения, выдвинутые против немцев Поволжья, невозможно было представить себе реальными, и тем более применимыми к другим народам России, то обвинения против репрессированных народов могли с не меньшим основанием быть предъявлены уже многим народам. И возникает вопрос: если фактов сотрудничества с врагом отдельных представителей народа (что во время войны, да еще под оккупацией, практически неизбежно), достаточно, чтобы наказать (выселить) за это весь народ, то почему такие же факты (хотя бы участие в армии Власова, служба полицаями) не стали основанием для обвинения и депортации русского, украинского, белорусского народов? Потому что это абсурдно? Безусловно. Дальше некуда. Тогда почему абсурдное наказание за одинаковую вину всё же было применено к ряду народов - избирательно?

Каждому понятно: основная тяжесть войны легла именно на плечи русского, украинского, белорусского народов. И основной вклад в Победу, основные жертвы – тоже этих народов. Но ведь и основная часть сотрудничавших с врагом – из этих народов. Потому что попали под оккупацию, в плен миллионы в первую очередь из этих народов.

Хорошо известно, что среди представителей репрессированных народов были и Герои Советского Союза (даже у российских немцев их насчитывается как минимум 11). Почему же к этим народам была применена практика распространения лишь вины на весь народ? Почему не была применена практика распространения *заслуг, подвигов* на весь народ?..

Отличия в репрессиях и судьбах были и в другом. Так, российские немцы, вдобавок к необоснованным обвинениям, еще и необоснованно отождествлялись с врагом, потому что были с ним «одной национальности». Их трудоспособное население было полностью направлено в трудармию, чего другим депортированным народам удалось всё же избежать. Они были на годы разделены по половому признаку, что тоже не коснулось, слава Богу, других народов. Они были распылены от Урала до Владивостока; разбросанность других народов была намного меньше. За годы войны и после нее российские немцы стали для регионов их проживания таким нужным трудовым потенциалом, что лишиться их регионы категорически были против; другие депортированные народы по ряду причин не успели стать таковым, и это, надо полагать, облегчило потом решение вопроса об их возвращении в родные места. Автономные республики большинства других репрессированных народов были восстановлены в 1957-1958 гг., АССР немцев Поволжья не восстановлена до сих пор. Другие репрессированные народы смогли после восстановления своих автономий начать возрождение своей национальной жизни, культуры, поддержание своего родного языка; российские немцы лишены этой возможности и сегодня.

То есть избирательность в отношении российских немцев была проявлена дважды: и в наказании, и в нереабилитации. Этот факт также не мог не оставить глубокого следа в их национальной идентичности…

Все эти отличия ни в коем случае не умаляют ни значения, ни глубины трагедии, пережитой другими народами, тем более репрессированными; они всего лишь показывают, что по отношению к российским немцам эта прежде общая трагедия продолжается по сей день. И можно только порадоваться за народы, которые, проделав с нами часть пути репрессий, смогли опять вернуться на родную землю. Наверное, уж они-то могут понять сегодняшнее состояние российских немцев, ибо хорошо могут себе представить, в каком положении были бы сами, если бы до сих пор должны были жить там, куда были депортированы, и не имели бы до сих пор своих республик, - т.е. если бы проделали свой крестный путь только в один конец, оставляя на нем вдоль железной дороги, как перед ними российские немцы, тела своих детей, родителей, стариков, чьи души не вынесли насильственной разлуки и вернулись к родным очагам...

Из всего этого можно, наверное, представить

себе и самочувствие российских немцев как народа, и их «национальную идентичность». А также одну из составляющих этой идентичности: восприятие ими власти, которая уже 70 лет, несмотря ни на какие культы личности, волюнтаризмы, развитые социализмы, застои, перестройки и ускорения, суверенные демократии и ваучерные олигархизации-раоеэсизации-нанофикации всей страны, - остается неколебимо стабильной в одном, и только в одном: в отношении к их реабилитации. Может, в этой хотя бы микро-(или тоже нано?)-стабильнизации родной до гроба власти и состоит очередное высокое предназначение российских немцев?..

IV. Реабилитация: что? где? когда? и как?

1. О чем всего-то речь…

Полтора века назад классик новой идеологии-философии сказал, что до сих пор ученые лишь объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы его изменить. Вроде и у нас уже напрашивается зовущий к действиям вывод: мало только говорить о трагедии российских немцев; задача состоит в том, чтобы возродить народ. Через возрождение их национальной идентичности.

Но какую же идентичность требуется возродить? Ведь вряд ли ту, которая была у них во времена прибытия в Россию? Или до Октября 1917 года? И даже до Великой Отечественной войны?

Российские немцы – один из народов России. И чтобы жить в России полноценной жизнью, чтобы иметь возможность реализовать себя, свои знания, способности, таланты, - они, как и другие ее народы, должны хорошо знать государственный язык своей страны, ее историю, жизнь, культуру, ее народы. Чем глубже, тем лучше, - и для них, и для страны. Одновременно они должны сохранять и развивать в себе то, что всегда ценили в них, за что их и пригласили в Россию, - свои национальные качества.

Национальная идентичность у любого народа в многонациональной стране имеет как минимум две составляющие: этническую и «общегосударственную». В идеале обе они должны бы быть развиты в каждом народе и в каждом его представителе по максимуму. Потому что утрата одной из них, или слабая их выраженность, резко уменьшают и возможности народа (человека), и «пользу» от него государству (народу); снижают национальное самосознание, чувство полноценности, внутреннюю гармонию личности (народа). А для российских немцев, давно и основательно бинациональных, утрата одной из этих составляющих означала бы еще и то, что они вообще перестают быть народом. Потому что при утрате своей немецкости в России они становятся просто частью русского населения; при утрате русскости в Германии - частью немецкого населения.

Нужно учесть еще одну особенность российских немцев. Дело в том, что их немецкая идентичность, хотя и была привезена из германских земель, мало похожа на немецкую идентичность сегодняшних немцев Германии. Потому что слишком разные пути прошли за последние века российские немцы и немцы Германии. Российские немцы сохраняли ту, и только ту свою немецкую полиидентичность (т.е. свои разноземельные, разнодиалектные, разноконфессиональные идентичности), которую привезли с собой; немцы же германских земель, объединившихся позже в единое государство, от той своей полиидентичности ушли далеко.

Сегодня, после смешения российских немцев депортацией и всем, что за ней последовало; после того, как и для них немецкий литературный язык в какой-то мере (в какой – отдельный вопрос) стал «языком межнационального общения» прежде разных диалектных групп; и когда еще больше таковым стал для них русский (второй родной) язык, - сегодня их национальная идентичность имеет фактически три национальные составляющие. А именно: российсконемецкую (то, что еще сохранилось от привезенного из Германии); германонемецкую (то, что понемногу входит сегодня в идентичность российских немцев в России и активно - в их идентичность в Германии); и российскую (в основном русскую). О балансе этих составляющих и должна, видимо, идти речь, когда мы говорим о возрождении и сохранении национальной идентичности российских немцев, о создании условий для их будущего как народа. Потому что эти условия напрямую зависят от того, что требуется для сохранения каждой из этих составляющих.

Так, условия для поддержания и развития их российской составляющей (как и у других народов России) имеются и вряд ли исчезнут, пока есть Россия. Потому что есть повседневная российская реальность: русский язык, русская культура, литература, радио, телевидение, газеты, книги, школы, вузы, театры, - т.е. всё, что, можно сказать, автоматически будет поддерживать и развивать российскую составляющую. Отсюда проблема поддержания национальной идентичности сводится фактически к поддержанию *этнической* составляющей. Что для российских немцев означает создание условий для поддержания их двунемецкой составляющей, - условий, которых у них нет уже 70 лет.

Главное из этих условий очевидно: как любой народ, российские немцы должны проживать вместе, - минимум критической массой, необходимой для сохранения идентичности. Потому что в распыленном виде ни возродить, ни сохранить этническую идентичность невозможно. То есть у народа должна быть опять своя территория – как у других народов России. На этой территории должна быть национально-культурная, образовательная инфраструктура. И экономическая база, позволяющая решать задачи в национально-культурной сфере собственными силами, – чужими силами и на «помощь» других эти задачи не решаются.

И еще народ не должен быть выключен (как те же 70 лет) из всех сфер жизни страны. А значит, должен иметь не только равные права с другими ее народами, но и *равные возможности*. Включая самоуправление и представительность во власти. Что опять же предполагает государственность. И пока ее нет, все разговоры о равноправии российских немцев и развитии их культуры являются лишь демагогией, прикрывающей их дискриминацию и ассимиляцию. И задаваемый иногда в ходе этой демагогии такой же демагогический вопрос: «а нужна ли еще российским немцам государственность?», отражает лишь нетерпеливый интерес службы этно-ритуальных услуг в лице сегодняшней «национальной политики». «Национальной политики», которая вместо поддержки, развития и гармонизации национальных культур в многонациональном симфоническом оркестре страны имеет, похоже, лишь одну цель: заменить все эти культуры в оркестре на бубны «общегражданской идентичности». Согласен ли русский народ, чтобы его культура, удивляющая и возвышающая мир, была заменена таким бубном? Согласен ли на это хоть один другой народ страны? Ответ, думается, ясен. Поэтому содержание вопроса о государственности российских немцев на деле таково: а нужно ли им как народу еще право на жизнь? нужно ли им как народу еще будущее? т.е. нужны ли они вообще? И этот вопрос, как можно догадаться, касается не только российских немцев. Потому что никогда не надо спрашивать, по ком звонит колокол. Тем более службе этно-ритуальных услуг…

2. Вместо реабилитации - форумы и фестивали?

Давайте мы лучше сами зададим вопрос, пусть и супер-риторический: а что же делается сегодня для сохранения этнической идентичности российских немцев? И посмотрим на «движущие силы» в этой сфере.

Так, национальное движение российских немцев еще 45 лет назад сформулировало, предельно коротко, своё видение решения вопроса: реабилитация российских немцев через восстановление их государственности. А сегодня конкретизировало его с учетом «рыночной экономики», которой глубоко плевать не только на разные идентичности, но и на всю страну, на все ее народы.

Сегодня национальное движение предлагает *совместить реабилитацию российских немцев с решением экономических задач*, стоящих перед страной, а именно: подготовить пакет крупных актуальных задач (в промышленности, сельском хозяйстве, передовых технологиях); привязать их к конкретному региону, который устроит «все заинтересованные стороны»; и - пригласить для их решения в основном российских немцев. В ходе реализации этих задач будут созданы и необходимая экономическая база, и инфраструктура соцкультбыта, а главное – будет обеспечено совместное проживание определенного числа российских немцев. Придать затем новому территориально-экономическому образованию должный статус – «дело техники».

То есть российские немцы еще раз сказали свое слово, причем в духе времени. И даже *не привязывают решение вопроса к территориям своего прежнего проживания*, - чтобы избежать очередных демонстраций под лозунгом «Лучше СПИД, чем немецкая автономия!» как в 1989-м в Поволжье, и никого не лишать права выбора того, что ему нужней…

Чем же отвечает на это предложение «национальная политика» страны? А ничем. Точнее, стремлением вообще уйти от вопроса реабилитации. А еще точнее – четким противодействием его решению. Так, несмотря на принятый еще в 1991 г. Закон «О реабилитации репрессированных народов», по которому вопрос о государственности российских немцев должен был быть решен в течение года; несмотря на подписание в 1992 г. с Германией Протокола о поэтапном восстановлении государственности российских немцев, - по сей день не сделано ничего. Наоборот: уже почти двадцать лет идет лишь суета под лозунгом «заботы» о российских немцах, о развитии их «общегражданской идентичности». Идет с помощью «федеральных целевых программ» (первая выполнена за 10 лет аж на 4%!) и «проектов», давно выродившихся в бесконечные форумы, съезды, конференции, семинары, трех-пяти-дневные «академии» и все более затратные «фестивали», которые положительно сказываются разве что на кошельках исполнителей этих «проектов». Даже Межправительственная российско-германская комиссия вместо исполнения Протокола давно занята лишь согласованием этих «проектов» между двумя Высокими Договорившимися когда-то совсем о другом Сторонами.

3. «Национальная политика»: модернизационный вклад в уголовное право

Четкий курс «бездействовать-противодействовать» проводится и в «идеологической» сфере «реабилитации». Так, «национальная политика» в лице ее двух представителей, исполняющих ныне роль упраздненного Министерства по национальной политике (надо полагать, как вредного для многонациональной страны возбуждением ненужных надежд) выдает сегодня такие масштабные философские откровения, каких в прошлом целое Министерство не могло выдать А именно:

«создание Республики немцев Поволжья и сталинские репрессии в отношении целых народов - это звенья одной цепи сталинской национальной политики»; (Интересная получается *«цепь национальной политики»:* сначала создает

свои «звенья», потом сама же их разрушает. Да и логика железобетонная: если бы АССР НП не создали, то ее и не ликвидировали бы. И - создание других автономий-«звеньев» после создания АССР НП превратило, оказывается, АССР НП в такое вредное «звено», что пришлось и ее ликвидировать, и несколько других «звеньев» на всякий случай репрессировать… Ультрановая философия! Модернизационный переворот во вконец устаревшем всемирном уголовном праве! Отныне если человека убили, то сам виноват: не родился бы – не убили);

«в основе предпринимаемых усилий правительства Российской Федерации лежит желание государства обеспечить этнокультурные права граждан»; (А права народов, которые состоят из граждан, обеспечивать не надо?);

«российские немцы должны прежде всего ощущать себя гражданами Российской Федерации, иметь гражданскую идентичность, общую с другими народами, проживающими на территории России»; (А разве российские немцы еще не *«ощущают»* себя гражданами Российской Федерации? Что, их никак не соберется реабилитировать великое княжество Монако, занятое своими казино? И разве у них еще нет, после всего вместе пройденного, общей с другими народами России гражданской идентичности? Разве они уже не имеют права и на свою национальную идентичность? Разве наличие национальной идентичности исключает возможность *«ощущать себя гражданами Российской Федерации»*? И как же быть, если и в России, и за ее пределами люди, даже будущие светила национальной политики, рождаются прежде всего *представителями своей национальности, своего народа*, а потом уже становятся гражданами России, США, очередного Бантустана… или «гражданами мира»?).

(Эти высказывания, определяющие «новый орднунг» в российской национальной политике, принадлежат замминистра регионального развития РФ, сопредседателю российско-германской Межправкомиссии по российским немцам М.Травникову, и директору департамента межнациональных отношений того же министерства А.Журавскому).

Понятно, что у такой «национальной политики» главная забота - не многообразие культур российских народов, число которых так велико, что затрудняет сохранение ее традиционной ориентации. Главная забота ее, например, по отношению к российским немцам, - организовать среди самих российских немцев нужную поддержку этой философии и ее авторов. Для чего всё больше используются те же бюджетные средства, выделяемые «в пользу российских немцев», чтобы на них привлечь подрядные структуры, которые под видом «общественных организаций российских немцев» всё громче заявляют «от имени российских немцев», что российские немцы давно реабилитированы, что никакой государственности им уже не нужно, что Закон и Протокол пора «актуализировать», и что главное, что сегодня нужно российским немцам, - это проекты для укрепления их «общегражданской идентичности», дабы обеспечить «межнациональный мир в стране» (видимо, без российских немцев, лишь с общегражданской идентичностью остальных народов России, обеспечить «межнациональный мир в стране» ну никак не удастся)…

О том, что возрождение национальной идентичности российских немцев, т.е. их будущее как народа, без их реабилитации невозможно, говорилось не раз, – и не только лидерами движения российских немцев, их делегациями, конференциями и съездами. Громче некуда это сказано было их массовым протестным выездом, нанесшим стране такой ущерб, что десятой доли от его суммы хватило бы с лихвой на восстановление их государственности. Признано это и Законом «О реабилитации репрессированных народов», и российско-германским Протоколом, и давним восстановлением автономий других репрессированных народов, и существованием автономий не выселявшихся народов. Что же тогда мешает восстановить автономию российских немцев?

В послевоенные и в 1960-1970-е годы главным препятствием, как уже отмечалось, было категорическое противодействие руководителей республик, краев и областей, где были российские немцы. Они хорошо понимали: без российских немцев (в одном Казахстане миллион!) у них существенно снизятся экономические показатели. В те времена этого было достаточно, чтобы республику не вернули. (Из чего можно сделать вывод: работали бы тогда наши отцы похуже, наверняка бы сегодня жил наш народ получше). Но что же сегодня мешает восстановить их автономию?

Посмотрим еще раз на предложения о путях реабилитации. Если действительно создать пакет актуальных экономических задач и с помощью российских немцев их решить, то ведь и страна, и конкретный регион будут в большом выигрыше: экономическом, демографическом (ведь могут приехать немцы из Казахстана, Киргизии, Средней Азии, не исключено и из Германии, в т.ч. «коренные», а также сократится дальнейший выезд – когда Германия опять «откроет ворота»), внутриполитическом (все увидят, что национальная политика в стране проводится опять не только через прицел северокавказских событий; что снова есть и внимание к народам), внешнеполитическом (какой резонанс вызовет реабилитация российских немцев в мире - в пользу России, ее руководства!). Так что вроде не должно бы быть сегодня противников реабилитации российских немцев, наоборот: она выгодна всем, кто будет задействован в ней. Остается только вспомнить давний призыв: «За работу, товарищи!»

4. Всем - на Голгофу? другого не дано?

В начале мы сравнили изменения в национальной идентичности российских немцев с полетом стрелы. Сейчас можно, наверное, сказать, что для избранной темы этот образ слишком светел. Потому что с полетом стрелы неизбежно связываются звенящая тетива лука, взмывание стрелы вверх, прозрачный воздух и солнечный свет, сладкое замирание в точке невесомости, и - снова встреча с родной землей, не желающей отпускать «свою» стрелу в никуда. Национальная идентичность российских немцев лишена всех этих радостей, наоборот… Поэтому точнее будет, наверное, сказать, что долгий путь ее изменений – это путь на Голгофу. Путь, который наш народ прошел, неся свою национальную идентичность как свой крест. Прошел, оставляя кровавый след от обрушиваемых на него ударов; прошел частично вместе с другими народами, оказавшимися на этом же пути; прошел под конвоем тех, кому были отданы в руки российские немцы и другие народы для исполнения преступных указов.

И до сих пор народу не дали донести свою национальную идентичность на родную землю. До сих пор он в своем бесконечном бесприютном движении – народ в пути. Суждено ли ему припасть опять к родной земле и набраться от нее сил? Или так и упадет он под тяжестью своей ноши, обессилев от бесконечных ударов, репрессий, депортаций, спецпоселений, дискриминаций и эмиграций? Упадет, и уже не сможет больше удерживать в себе свою измученную национальную идентичность – незримый ковчег завета и жизни народа? И покинет она, наконец, его обессиленное тело? И вознесется туда, где уже не будет ударов, крови, расстрелов и издевательств за невыбираемую, непокупаемую, непродаваемую национальную идентичность? И останется отмучившееся тело лежать на этом пути - как первый результат большого эксперимента по привитию народам «общегражданской» идентичности вместо живой национальной души, по созданию «новых общностей», по разрушению всего, что делает людей и народы интересными друг другу, обогащающими друг друга и весь мир своей неповторимостью? Останется лежать как предупреждение другим народам об их недалеком будущем, если позволят себе хоть на грамм ослабить свою любовь и заботу обо всем бесконечно дорогом и ничем не заменимом, что называется сегодня двумя такими заболтанными словами – национальная идентичность?..

V. Национальная идентичность и светлое будущее

1. *«Отряхнуть ее прах»* или беречь как сокровище?

В заключение еще один, и совсем не риторический, вопрос: а зачем и кому в нашем таком осовременившемся мире нужна еще эта «отсталая» национальная идентичность? Не анахронизм ли она? *Не прах* ли она, который давно уже надо было *отряхнуть с наших ног*? Не проще, не лучше, не спокойнее ли без нее? Не понятнее, не ближе были бы друг другу народы, люди?

Меня давно уже не покидает ощущение, что национальная идентичность дается как новорожденному первичный иммунитет от матери: для защиты от опасностей, которыми его, совсем беззащитного, встречает мир. Рождаясь в «национальной среде», взрастая в ней, познавая через нее нужные для выживания в конкретных условиях накопленные веками мудрость, умения, навыки, запреты, каждый своей национальной идентичностью приспосабливается к жизни в этих условиях. И даже если исчезнут границы, государства, правительства, исчезнут «специалисты», получившие где-то права на вождение народов по вконец раздолбанным дорогам национальной политики, - различия условий сохранятся, а значит, нужен будет и опыт проживания в них, т.е. знание того, что входит в национальную идентичность народа.

И если это хоть в какой-то степени верно, то возникает вопрос: кому же и почему мешает национальное многообразие? Мешает так, что хочется всех вокруг лишить этой веками, тысячелетиями выпестованной приспособленности к жизни? Лишить через устранение «национальных границ», через ликвидацию «национальных квартир», через превращение всех (людей, народов) в постоянных мигрантов, носящихся по стране (миру) в поисках очередного места, где кто-то чуть повысил прожиточный минимум в виде зарплаты с целью привлечь рабочую силу для получения новых прибылей? Лишить родного языка, национальной культуры, включенности в любую общность (тем более национальную), способную отстаивать общие интересы? Лишить, чтобы каждого сделать максимально беззащитным, т.е. максимально управляемым по максимально простой схеме: «вот работа – вот кусок хлеба; всё остальное – наплевать и забыть»…

Вряд ли уж так трудно предвидеть, куда ведет такая «национальная политика». Потому что в глобальном масштабе у нее впереди - цивилизационная катастрофа, давно и успешно вуалируемая повышением «прожиточного минимума». А в масштабах «отдельно взятой страны»? Причем в ситуации, когда некоторые другие народы, не страдающие от демографических проблем, совсем и не думают отказываться ни от своего национального своеобразия, ни от своей сплоченности как народа, ни от своих границ, ни от своих давних мечтаний об изменении чужих границ? Остается только вопрос на засыпку: какой же народ в этой ситуации окажется таки более способным выжить? И отсюда: кому больше грозит радость получить новую «общегражданскую идентичность» - хотя бы в цвете

1941 – 2011. 70 лет депортации... и нереабилитации

кожи и разрезе глаз, не говоря уже о статусных, социальных, правовых ее составляющих? Так кому же и зачем всё это нужно?

2. Национальная идентичность и «новая общность» на рынке

Наверняка такие рассуждения могут показаться сегодня несвоевременными. Ведь сейчас так модно, так «государственно» говорить о приоритете «общегражданской идентичности», об очередной «новой общности»! Хотя вроде и была уже одна «новая общность», которая в момент истины оказалась настолько неспособной к самоорганизации и самозащите, и даже к пониманию происходящего, что потребовалось совсем немного воздействия извне для развала и этой общности, и великой страны.

Что же еще намечается развалить, превращая народы в безнациональное население, не привязанное ни к родной почве, ни к соплеменникам, ни к родному очагу? Лишая эти народы всего, что делает их народом? И тем самым лишая давний союз народов способности к сложению сил, лишая даже самих этих сил, для противодействия опасности, если опять возникнет, их общей родине, превращенной в территории перманентно временного проживания «трудовых ресурсов».

И - если не будет у человека родного очага; не будет в мире уголка земли, где родились и выросли его предки и он сам; если не будет родных и близких, кто говорит с ним на таком дорогом родном языке (вспомним Расула Гамзатова: *«И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть»*); если кругом лишь не помнящие родства «общегражданские идентичники» разных бывших национальностей, что тоже мотаются по стране в поисках «прожиточного минимума» повыше, т.е. лишь конкуренты в борьбе за кусок хлеба, - то что же заставит такого представителя «новой общности» защищать страну? В мире «рыночной экономики», где всё приобретает свою рыночную стоимость: отношения между людьми, «любовь», «превышение служебных полномочий» чиновника и место депутата, военные секреты государства (сколько их продано за последние двадцать лет?!) и сама Родина? А значит, и защита страны будет, как у наемника, лишь вопросом оплаты и шансов ее получить?

Может быть, на подвиг вдохновит «общегражданская идентичность»? И за *нее* будут готовы умереть? Или за тех, кто под бесконечную демагогию про демократию и права личности, про «опыт цивилизованных стран», отнял у народа всё и заставляет теперь каждого платить с каждым днем всё больше за пользование отнятым: за когда-то честно заработанное жилье, за приватизированные кем-то газ, свет, воду (скоро, надо полагать, и за воздух?), за всё более опасные продукты, товары, услуги?

Или на амбразуры пойдут с криком «За нашу любимую рыночную власть! За наш суд, самый глубоко входящий «в дело» в мире! За нашу милицию – лучшую крышу из всех подлунных крыш!»? Будут умирать за то, чтобы кто-то и дальше мог покупать заграничные футбольные клубы, яхты, замки; мог учить своих детей за рубежом, когда в родной стране миллионы беспризорных и нищих; мог переводить «заработанные честным трудом» миллиарды за рубеж, становясь полностью управляемым оттуда под страхом замораживания личных счетов?

Вообще рынок и национальная идентичность, рынок и выживание народов предстают всё более несовместными. Как рынок и честность, законопослушность, мораль. Ведь на рынке главное это прибыль, - любой ценой. Отсюда он – постоянно подключенный к *каждому* генератор обмана и преступности, везде и во всем. И надеяться, что какие-то силы, даже религия, смогут так же активно и неустанно контр-генерировать честность, порядочность, законопослушность, смогут хотя бы неотвратимо наказывать тех, кто обманывает и совершает преступления, – наивно. Особенно если учесть, что сама система наказания для многих тоже давно уже бизнес.

Рынок генерирует преступность, задействуя инстинкты на личностном уровне, а бороться с нею пытаются – в рамках и по правилам того же рынка - с помощью витающих где-то на уровне государства и общества права и морали. Но ведь к каждому носителю инстинктов не пристегнешь, как к системе ГЛОНАСС браслет слежения, надзирателя. Да еще такого, который в процессе надзора не предпочел бы вдруг сам гораздо более доходную преступность малоприбыльной, на окладе, борьбе с ней. А значит, этих надзирателей тоже надо подключить к круглосуточному контролю – с помощью видеокамер к кабинету премьера? или к «ядерному чемоданчику» президента? Что уж тут говорить о национальной идентичности при рынке – без системы защиты, без внимания «лично президента»…

3. «Сдохни, Германия!»… Россия чур вторая?

В общем, если взглянуть на проблемы с национальной идентичностью повнимательней, нетрудно заметить, что они имеют вполне стратегическое значение – для страны. И всё больше превращаются в суровое «быть или не быть?» - для народов. Народов, чье будущее всё жестче зависит от того, насколько адекватно они оценивают происходящее, насколько держатся вместе, насколько понимают и уважают друг друга, насколько могут противостоять стремлению лишить их «не той» идентичности. И если кому-то очень хочется увидеть, к чему ведет успешное преодоление своей нехорошей идентичности, можно поехать… ну хотя бы в Германию. Не обязательно на ПМЖ. Просто посмотреть, как когда-то великая нация перестает существовать.

Поехать и увидеть, как под флагом преодоления двенадцатилетнего «нацистского прошлого» переиначена и дискредитирована многовековая великая история народа и страны; как всё национальное уже 65 лет в ней отождествляется с нацизмом и подавляется; как немцев превратили в генетически виновных, в обязанных без конца каяться и не сметь свое суждение иметь, когда им указывают, как им себя вести.

(«Россиянам» это вроде тоже уже знакомо: ведь и их уже 20 лет пытаются заставить забыть всё великое в истории своей страны и ее народов; их тоже пытаются заставить свести свою историю лишь к преступлениям сталинизма, к ГУЛАГу; их тоже хотят заставить каяться… перед кем? перед теми, кто их ограбил? кто развалил их страну? И за что каяться? За перенесенные страдания, за подвиги, совершенные во имя Родины несмотря на эти страдания?).

Поехать в Германию и увидеть, как там даже «большие политики» стараются максимально громко и гордо заявлять, что они лично уже не немцы, а – бери выше! – европейцы! Увидеть, к чему ведет пресловутая «политкорректность». Как во многих немецких школах немецкие дети давно уже в меньшинстве и как их терроризируют дети бесчисленных иммигрантов – за всё еще светлые иногда волосы, за всё еще голубые порой глаза и за всё еще имеющееся у них знание немецкого языка. И как новые хозяева школьной жизни своих учительниц называют в лицо «немецкими шлюхами», и те, не находя поддержки и защиты у своей «политкорректной» власти, вынуждены уходить из школы.

Поехать и увидеть, как ежегодно страну покидает более ста тысяч ее граждан в поисках места на планете, где можно реализовать свои способности и умения, никому не нужные на «родине»; места, где детей не подвергают с младших классов «сексуальному воспитанию», не вдалбливают им «нормальность однополой любви», не приводят с полицией на уроки, когда родители восстают против такого «воспитания».

Поехать и понаблюдать, как в очередную годовщину первой Хиросимы - чудовищной бомбардировки мирного Дрездена, испепелившей прекрасное творение немецкого народа и сотни тысяч его жителей и беженцев, искавших в городе укрытия, - параллельно демонстрациям тех, кто еще сохранил в себе боль от той трагедии, организуются другие демонстрации. Демонстрации с лозунгами: «Всё, что падает сверху – от Бога!» (т.е. бомбы были от Него, а не от славных «союзничков», особо геройски воюющих, когда нет сопротивления) и - «Сдохни, Германия!».

Ну, а о мелочах типа того, что из трех миллионов российских немцев на их «исторической родине» нет ни одного депутата в Бундестаге (нам ли привыкать!), зато они давно есть у иммигрантов, - и говорить не стоит. Ведь «политкорректность» в «цивилизованных странах» - это не просто поддержка тех, кто, «понаехав», совсем не думает отказываться от своей идентичности; это одновременно и разрушение национальной идентичности (а значит, и национального будущего) собственного народа.

Хотим ли мы этого для России? Если нет, то не пора ли задуматься, наконец, над тем, к чему ведет иногда «опыт цивилизованных стран», уже давно ставших безвольными дергунчиками в чужих руках? И чего на деле хотят те, кто России этот опыт навязывает - после дважды удавшегося стравливания двух великих народов для устранения-ослабления их как главных неподдающихся управлению извне и как самых «опасных» своих конкурентов? И не пора ли предложить таким «радетелям о России» определиться, наконец, правильно ли они решили, выбрав «эту страну» для своего пребывания в ней?

4. В будущее - через *развитие* народов, а не через их *упразднение*

Давно вроде пришло время подумать (если некогда «там, наверху», то хотя бы «внизу») и о необходимости новой национальной политики в стране. Политики, *отвечающей интересам* страны и ее народов, а не обрекающей страну и ее народы. Подумать о том, что разные народы и культуры, как разные драгоценности в Алмазном Фонде, – не беда, а богатство страны. Что каждый народ, как и каждый человек, уникален, и надо дать ему возможность свою уникальность сохранить и развить – на благо всех. Только тогда у человечества будут такие общие сокровища, которые создаются лишь народами со своей, а не «общегражданской» и не «мирогражданской» идентичностью: египетские пирамиды, светлая эллинская цивилизация, итальянское искусство, голландская живопись, немецкая философия и наука, русская литература… и далее бесконечно до китайского монастыря Шаолянь, дагестанского аула Кубачи, русского Палеха, неповторимой кавказской лезгинки.

И чтобы такие сокровища у человечества были, каждый народ должен пройти свой путь полного развития и раскрытия. Как проходит его ребенок: через воспитание в семье, через обучение в школе, вузе, через приобретение умений в трудовой деятельности, через включение во все более широкое жизненное пространство. И даже если на этом пути национальное в идентичности будет, естественным образом, занимать всё меньше места по сравнению с «общегражданским», с общечеловеческим, - оно не будет никому мешать, а позволит сделать общечеловеческое лишь многограннее, богаче, интереснее.

Поэтому не подавлять национальное, а поддерживать и развивать его; не смешивать народы в очередном плавильном котле бездушного рынка, а давать им возможность достичь высшего уровня своего развития, - чтобы достойно войти во всё более сближающуюся (естественным путем!) общность народов страны и мира, а не пополнять собой общаги атомизированных, обезнациональных, вечных и бесправных гастарбайтеров даже на собственной родине.

2010, ноябрь

Д.и.н., проф. Вячеслав Дашичев

Против разрушения государствообразующих наций

(О книге Т.Саррацина «Германия - самоликвидация»)

Пожалуй, ни одна публикация, появившаяся в Германии за последние десятилетия, не взбудоражила так немецкую общественность как книга известного политического и экономического деятеля ФРГ Тило Саррацина «Германия - самоликвидация. Как мы рискуем своей страной»[1]. Уже само название книги говорит о многом. Она превратилась в небывалый бестселлер, была невероятно быстро распродана и пережила уже четырнадцать изданий. В ней острой критике подвергнута национальная, социальная, экономическая и научно-образовательная политика немецких правящих верхов за последние десятилетия. За эту критику Саррацин поплатился своим постом члена правления Федерального банка ФРГ. Свое кредо он выразил так:

«Я желал бы, чтобы мои потомки жили и через 50, и через 100 лет в Германии, в которой языком общения является немецкий и где люди чувствовали бы себя немцами. В стране, которая сохраняет и развивает дальше свои достижения в культуре и духовности, в стране, которая принадлежит Европе отечеств…..Я уверен, что и наши восточные соседи в Польше через 50 или 100 лет хотели бы оставаться поляками точно так же, как и французы, датчане, голландцы и чехи желают того же для своих стран».[2]

Саррацин выступил за уважение и сохранение национальных суверенных государств, которым угрожает разрушение титульных, государствообразующих наций. Это означает и осуждение политики преобразования ЕС из союза государств в союзное государство, в котором страны обречены на утрату своей суверенной государственности. Саррацин не говорит, от кого исходит такая политика, кому она выгодна и кто ее навязывает другим. И было бы странно ожидать, чтобы он назвал здесь вещи своими именами. Это было бы недопустимым нарушением установленной в ФРГ «политкорректности», требующей беспрекословной лояльности, особенно в отношении американского политического курса, который как раз и предполагает разрушение титульных наций, чтобы обеспечить господство США в Европе и других регионах.

Пренебречь правилами «политкорректности» мог себе позволить только такой представитель политического Олимпа ФРГ, как бывший канцлер Гельмут Шмидт. В своей книге «Державы будущего» (2004 г.) он писал:

«Для большинства континентально-европейских наций на ближайшее будущее нет ни стратегических, ни моральных оснований полностью подчиняться новоявленному американскому империализму… Мы не должны дегенерировать в людей, угодливо поддакивающих ему. Даже если в ближайшие десятилетия США останутся намного сильнее, чем Европейский Союз, даже если господство Америки сохранится на более длительное время, европейские нации все равно не должны ронять своего достоинства. Достоинства, основанного на нашей ответственности перед собственной совестью». [3]

К сожалению, этот призыв Шмидта к европейским политикам остается пока невостребованным. Больше того – говорить об этом стало квалифицироваться как страшный политический грех.

По мнению Саррацина, «политкорректность», налагая запрет на свободу политической критики, ведет к тому, что люди вынуждены утрачивать чувство ответственности за судьбу страны и превращаются в неполноценных граждан [4]. А это устраняет возможность корректировки курса, противоречащего национальным интересам. В будущем, предупреждает автор, если демографическая, социальная, научно-образовательная и особенно миграционная политика Германии не претерпит радикальных изменений, немецкую нацию ожидает небывалая деградация. К концу столетия она будет насчитывать всего 25 млн. жителей и превратится в национальное меньшинство в собственной стране по сравнению с турками, арабами и другими пришельцами.

Надо сказать, что именно в этом очень заинтересована американская элита. Не зря она так рьяно настаивает на принятии Турции в ЕС, а значит – и в Шенгенскую зону. Это требование входит и во внешнеполитическую программу президента Обамы. Сейчас на примерно 80 млн. немецких граждан в Германии приходится 15 млн. мигрантов. Это уже слишком много. В случае членства Турции в ЕС их количество в ФРГ возрастет во много раз. Основную угрозу существованию немецкой нации, по выводам автора, несет происходящее сейчас «размывание ее интеллектуального потенциала»[5].

Своей книге Саррацин предпослал в качестве эпиграфа слова Фердинанда Лассаля: «Для всякого политического недомыслия свойственны утаивание правды и искажение того, что существует в действительности». Эту сентенцию он отнес и к правящим кругам Германии, которые под прикрытием пресловутой «политкорректности» табуизируют правду о политике, ведущей к разрушению немецкой нации. Все, кто открыто говорят об этом и выступают патриотами своей страны, подвергаются политическому остракизму как шовинисты, нацисты, фашисты и прочие экстремисты. Вполне понятно, что такая политика навязывается американской господствующей закулисой, придерживающейся с времен «холодной войны» принципа: «держать немцев в узде» («To keep Germans down»).

Идеи Саррацина нашли поддержку у более 90% опрошенных немцев. Под сильным воздействием общественного мнения канцлер А. Меркель, крайне отрицательно отозвавшаяся вначале о книге Саррацина, вынуждена была потом признать, что политика создания в Германии мультикультурного общества потерпела провал. В стране получила распространение шутка: «Наконец-то нашелся хоть один немец, который осмелился заступиться за немецкий народ, и тот оказался саррацином» (так называли в средние века арабов).

Проблемы, поднятые в книге Саррацина, весьма созвучны тем, с которыми пришлось столкнуться России на протяжении последних 20 лет. Бывший вице-премьер российского правительства и видный журналист Михаил Полторанин писал:

«Мне как демократу первой волны – нас называют наивными идеалистами – хотелось жить в государстве, где все сбалансировано и направлено на благо людей: ответственный президент, полноценный парламент, независимые суды и средства массовой информации. Никто не мог бы забраться за правами в огород другой ветви власти или злоупотреблять положением в корыстных целях, потому что взаимоконтроль и система сдержек не позволяли бы этого сделать. Они не позволяли бы также ущемлять как политические, так и экономические свободы и утверждать неравенство граждан перед законом. Мы по наказам народа начинали этот процесс. Не получилось»[6].

Не получилось, потому что процесс был прерван государственным переворотом Б. Ельцина, и развитие России было направлено по ложному, не свойственному ей пути.

Этот поворот был в интересах правящей элиты США. Главной задачей своей долгосрочной, рассчитанной на многие десятилетия глобальной стратегии она считала и считает подрыв национальной мощи двух крупнейших держав Европы – Германии и России посредством разрушения их титульных, государствообразующих наций с опорой на проамериканские круги этих стран. Что касается России, то уровень численности ее населения должен быть, в представлении американской олигархии, доведен к 2050 г. до 35 млн. человек[7]. Надо заметить, что применяемые методы разрушения титульных наций в Германии и России во многом совпадают.

Саррацин выразил свою серьезную обеспокоенность в связи с тем, что навязанные из-за океана тенденции вызывают глухое недовольство общества, которое может перерасти в социальные потрясения. И Россия оказалась перед лицом роста протестного движения против игнорирования и умаления роли русской нации, а тем более разрушения материальных и духовных основ ее существования. Это не могло не обеспокоить политическое руководство страны и нашло отражение в средствах массовой информации. Так, один из видных представителей нынешней российской элиты – Евгений Примаков писал:

«Понятно также и то – давайте скажем об этом открыто, что нельзя игнорировать интересы большинства населения страны – русских… Русский язык, русская культура, несомненно, выполняют объединительную функцию в нашей стране. Носителям этого языка и этой культуры по праву принадлежит особая роль в России. Однако настоящая забота о русских в России, что действительно необходимо, не должна ни в коей мере происходить при невнимании к интересам других народов»[8].

Сказано правильно. Но кто возьмется за выполнение этой задачи? Увы, такой вопрос задают себе многие.[9]

От редакции: *Известный ученый, В.И.Дашичев (Москва) хорошо знаком российским немцам и как соавтор, вместе с писателем Г.Вормсбехером (Москва) и ученым В.Зайфертом (Германия), публицистической статьи «В интересах Государства Российского», получившей широкое распространение в печати и в Интернете. Статьи, в которой остро ставился вопрос о проблемах российских немцев, о необходимости их реабилитации и восстановления их государственности. Крупный специалист по истории Германии, Второй мировой войны, по российско-германским отношениям, по европейской и мировой политике, В.И.Дашичев еще в советское время, в т.ч. и в качестве советника М.С.Горбачева, выступал за объединение Германии, за максимальное развитие отношений между двумя нашими странами.*

---

[1] Sarrazin Thilo. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlagsanstalt. München 2010,

2 Там же, с. 392.

3 Schmidt H. Die Mächte der Zukunft. Gewinner und Verlierer in der Welt von morgen. München, 2004, S. 238-239.

4 Sarrazin, с.. 9

5 Там же, с.393

6 Полторанин М. «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса», М. 2011 г., с. 502-503

7 Там же, с. 468

8 Примаков Е.Достижения не должны заслонять проблемы. «Известия»,14.01.2011.

9 См., например: Никифоров О. «Русскость» как лозунг современности. Кто возьмется за решение проблемы русской идентичности в России. «Независимая газета», 13.01.2011

Российские немцы в Германии

«ФРГ под колпаком США и НАТО»

Интервью Андрея Триллера российской телекомпании РЕН-ТВ

Корр.: Нам очень интересно Ваше мнение по поводу ислама. Каково отношение русских в Германии к данной теме?

Мы вообще-то не русские, мы немцы. Что касается интересующей вас темы, то нужно сказать, что большая часть из нас приехала из мусульманских республик СССР, населенных казахами, киргизами, узбеками, - с которыми мы всегда жили мирно. Есть среди нас и состоящие в смешанном браке с представителями мусульманских народов, они приехали сюда тоже со статусом поздних переселенцев, мы их не отделяем от себя, это также наши люди.

Темой ислама наша организация «Die Russlanddeutschen Konservativen» не занимается, мы лишь иногда соприкасаемся с ней. Так, например, дверь в Германию для немцев-переселенцев практически закрыта. Инициаторами прекращения их приема были партии левого толка, в первую очередь «Зеленые». Эту партию возглавляет сейчас Чем Эздемир, турок по происхождению. Именно он, с середины 90-х годов, особенно яростно боролся за прекращение приема немцев-переселенцев И вот итог: в прошлом 2009 году в Германию приехали всего 3 тысячи немцев из республик бывшего СССР и Восточной Европы, а из Турции - 30 тысяч человек, то есть в 10 раз больше. Но в этом виноват не ислам, а политическая система ФРГ.

Мы обращаемся к правительству, объясняем, что у нас тысячи разорванных семей. Это когда родителей приняли в Германию, а дети остались там. Нам отвечают: «Ну кто им не дает лучше выучить немецкий язык?». Все это ерунда. Отказывают, например, учительнице, которая всю жизнь преподавала немецкий язык, именно за то, что она хорошо им владеет. Другому отказывают в приеме, потому что он не владеет диалектом, на котором говорили его родители.

Когда мы поднимаем эту тему, видим полное равнодушие к ней со стороны власти. С нами вообще никто не разговаривает. Естественно, у нас возникают вопросы: почему же этнические немцы не могут приехать в Германию, если за прошлый год в нее приехали 720 тысяч иностранцев? Здесь мы обращаем внимание на то, что основной поток мигрантов идет из стран арабского мира и Турции. Политики постоянно говорят: «Нужны рабочие руки». Почему же тогда закрыли ворота для этнических немцев? Почему нельзя принять немцев Киргизии, оказавшихся сегодня в зоне этнического конфликта? Или немцев из Парагвая? Они вообще не имеют возможности приехать в Германию.

А как вы думаете, почему?

Мы видим, что ФРГ как была, так и осталась западной зоной оккупации, она под колпаком США и НАТО. Политика страны - полностью антинемецкая. Немецкий народ пытаются ассимилировать в своей собственной стране, запуская в ФРГ ежегодно около миллиона иностранцев. А немцев, оставшихся в среднеазиатских республиках, пытаются ассимилировать там. Разумеется, нас это не устраивает.

В 2006 году из ФРГ пытались выселить российского немца, который приехал к родителям еще в 1992 году. У него тогда уже было подано заявление на прием в Германию, и он просто дождался ответа, живя у родителей. Но власти Баварии отказались признать решение о его приеме, мотивируя это тем, что семья должна была получить это решение там, в казахстанском Каратау, и только после этого он имел право въехать в страну, и потребовали покинуть Германию. Несмотря на то, что это прекрасно интегрированная немецкая семья. Сын в это время учился в университете города Пассау, дочь - в гимназии. Вальтер Фасс, глава семьи, когда его попытались выселить из страны, объявил голодовку.

В то же самое время власти принимают решение о легализации сотен тысяч нелегальных мигрантов. Как мы должны к этому относиться? Мы считаем это антинациональной политикой.

Можно ли подробней о вашей организации, какие цели она ставит перед собой и насколько успешна ее деятельность?

В общем наша позиция не расходится с позицией национальных сил Германии. Мы выступаем за выход Германии из НАТО, за возвращение наших солдат на родину, за вывод американских войск и войск стран НАТО с территории Германии, за суверенитет нашей родины. В общем-то при объединении Германии советским руководством так вопрос и ставился: выводятся советские войска и одновременно войска НАТО. Но в результате стремительного развала СССР все было упущено. Российские войска ушли, а американцы все прибрали к своим рукам. Так восточная зона просто стала составной частью западной зоны оккупации.

Можно ли объяснить - не мне, а зрителям, - в чем выражается окупация со стороны американцев?

В том, например, что на территории Германии, в красивейшем городе Висбадене, создается главный штаб американских войск в Европе. Поддерживая национальные силы Германии, мы выступаем против создания в Висбадене этого штаба. Авиационная база, на которой вскоре должен разместиться главный штаб США в Европе, отделена всего одним километром от жилого квартала многоэтажных домов, то есть в случае военного конфликта главный штаб автоматически становится мишенью для вероятного противника. Накрывают этот штаб - накрывают и весь этот жилой район.

Перед демонстрацией протеста мы направили письма в различные правительственные организации России, в посольство России в Берлине, в пресс-службу МИДа с просьбой обратить внимание на эту демонстрацию, потому что уже с февраля антинемецкие СМИ ФРГ пытались представить ее как «нацидемо», то есть как демонстрацию «нацистов».

Демонстрация проходила накануне 9 мая, а в России традиционно, еще с советских времен, такие демонстрации всегда представлялись в СМИ как демонстрации злых неонацистов, которые жаждут реванша за Вторую мировую войну. Поэтому мы обратились к российскому руководству и попытались объяснить, что эта демонстрация, которую мы также поддерживаем, - вовсе не жажда какого-то реванша. Это немецкая молодежь протестует против того, что нашу Родину превращают в плацдарм для новых войн США и НАТО.

Мы выступаем за то, чтобы то, что произошло между нашими народами в 20 веке, никогда больше не повторилось. Однако мы, немцы, сегодня настолько зависимы, что при возникновении какого-либо конфликта от нас мало что зависит. Наглядный пример – конфликт в Южной Осетии. Если бы он затянулся еще на несколько дней и в него были бы втянуты силы НАТО, то Германия как член НАТО автоматически была бы втянута в этот конфликт. В армии ФРГ сегодня много солдат из числа немцев-переселенцев из России. Могло бы случиться так, что двоюродные братья, дяди и племянники оказались бы по разные стороны баррикад.

Конфликт в Южной Осетии хорошо показал, как легко мы можем быть втянуты в новый конфликт с Россией. Точно так же мы уже втянуты в конфликт с исламским миром, с которым Германия традиционно имела хорошие отношения. К сожалению, в России очень мало знают, что в реальности происходит в ФРГ, какие силы какие позиции отстаивают. Всё по старой привычке: национальные силы немцев – это враги, неонацисты. Мы хотели бы сломать эти негативные стереотипы. Насколько нам это удается, думаю, судить пока рано.

Вы говорите: политика американцев – антинародная политика. Но у зрителя возникает вопрос, а что это такое?

Ну, во-первых, происходит уничтожение культурных ценностей немецкого народа. Даже не участвуя в политике, но поддерживая национальные традиции, вы уже автоматически получаете ярлык правого радикала. Это трудно понять в России. СССР, хоть и был тоталитарным режимом, но он воспитывал какой-то патриотизм к своему государству. Здесь происходит все наоборот. Проводится такая политика, что немцам становится стыдно быть немцами. Дошло до того, что немецкая культура уже не имеет права быть ведущей культурой Германии, а лишь одной из многих.

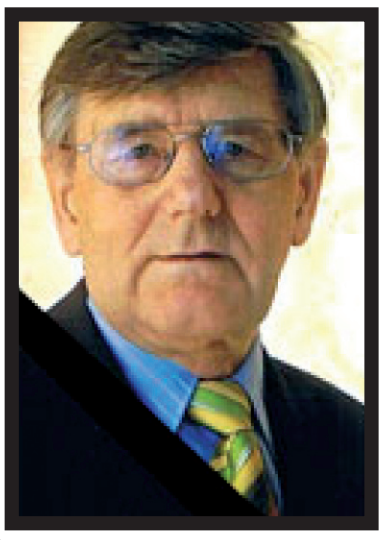
То есть теория мультикультурности?

Да, но сегодня мы видим, что те же политики, которые еще вчера пропагандировали «мультикульти», вдруг заявляют: «Ах, не удалось!». Мы просто не можем верить таким политикам: сегодня говорят одно, завтра - другое. Допустив такие серьезные ошибки и просчеты, они по-прежнему остаются у власти.

В чём выражается антинациональная политика? В чём вы чувствуете притеснения как немцы-переселенцы?

В Германии нас проживает более 2 миллионов человек. Мы привезли сюда и свое культурное наследие. У нас создан музей, который 20 лет находится в частном сарае на крестьянском дворе. Наша история богата великими именами, которыми гордится Россия, которыми могла бы гордиться и Германия: ведь наша история есть часть общей истории немецкого народа. Но, как я уже сказал, все это хранится в сарае, без отопления и света, приходит в полную негодность. Нужно сказать, что экспонаты этого музея превышают по своему количеству выставку по истории немцев Поволжья саратовского музея.

В то же время мечети растут в нашей стране как грибы. Только в Северной Рейн-Вестфалии за последние годы выросло более 20 еврейских центров с синагогами, с детскими садами, местами встреч, библиотеками и музеями, но не нашлось помещения, чтобы представить 250-летнюю историю немцев в России. Так во всем. Переименовываются улицы, носящие имена великих людей только потому, что сегодня, в мультикультурном обще-



Памяти коллеги

5 ноября 2010 в Дортмунде (ФРГ) после тяжёлой болезни скончался журналист Евгений Варкентин, бывший сотрудник газет «Фройндшафт» (Целиноград, Казахстан) и «Нойес лебен». Последние годы жизни, после переезда в Германию, он работал переводчиком и консультантом в приемном лагере Уна-Массен, помогал своим землякам.

Во времена, когда он был собственным корреспондентом газеты «Нойес лебен», он «отвечал» за Северный Казахстан. Он мотался по районам, писал о хороших людях и хороших тружениках и, конечно же, о школе, о преподавании родного языка: ведь до прихода в журналистику он девять лет работал учителем, прекрасно знал эту тематику.

В Германии Евгений поселился в Дортмунде, однако почти каждый год он появлялся в Берлине: принимал участие в массовом марафонском забеге. Худощавый, спортивный, выносливый, - он, казалось, не знал усталости. Пробегал сорок километров играючи, хотя перешагнул к тому времени уже шестидесятилетний рубеж…

Для многих, кто знал Евгения Варкентина, он навсегда останется в памяти как прекрасный и светлый человек.

Бывшие коллеги Евгения Варкентина по работе в «Нойес лебен»: ***Юлия Борисова, Курт Видмайер, Гуго Вормсбехер, Игорь Городецкий, Анатолий Егоршев, Константин Июльский, Леонид Карин, Екатерина Тевс, Софья Шевцова***

Начало на стр.15

Германия сегодня

ФРГ - немецкое государство?

(Из высказываний германских политиков)

стве, их высказывания, сделанные 100-150 лет назад, не совпадают с позицией т. н. «мультикультуристов».

Я знаю, что у переселенцев из бывшего СССР естъ проблемы. Они столкнулись в Германии с проблемами интеграции в общество. Слышал, что их в России называли немцами, а здесь - русскими, и что они так и не стали частью этого общества.

Это результат той самой антинемецкой политики. В ФРГ национальность определяется по месту рождения. Тебе говорят: «Родился в России – значит, ты русский, родился в Казахстане – ты казах». Поэтому, когда молодежи говорят: вы родились не в Германии, значит, вы не немцы, - молодежь реагирует по-своему: ну не немцы - и ладно, больно надо нам быть немцами! Тем более что пропаганда в СМИ такая, что немцем действительно быть стыдно.

Я приведу пример с переселенцами в Израиле. Молодежь из бывшего СССР по приезде в Израиль уже через несколько лет в своем большинстве становится патриотами этой страны, так как там проводится национальная политика. В ФРГ наоборот, - антинациональная. Отсюда и все проблемы.

Коль мы затронули тему русскоязычной молодежи, которая еще говорит на русском языке, что бы Вы могли пожелать молодым людям?

Триллер: Лучше изучать историю, историю своей семьи, иметь свое мнение, а не то, что тебе пытаются навязать. Не все могут сразу понять, что происходит у нас в стране. Поэтому наша организация пытается это показать.

Мы любим Германию, мы верны ей и считаем, что мы должны отстаивать свои права. Германия – это страна наших предков, мы будем здесь жить, здесь будут рождаться наши дети и внуки, а поэтому мы должны иметь свое суверенное национальное государство. Право его иметь нам нужно отстаивать всем вместе.

Беседу вел
Сергей Митрофанов

Урсула фон дер Ляйен (ХДС), будучи министром по делам семьи, заявила: *«Дети мигрантов - это наше будущее». Поскольку «каждый третий ребенок младше шести лет живет в семье мигрантов», фон дер Ляйен считает, что «демографическое развитие показывает, насколько нам нужны эти дети: через 20-30 лет мы ожидаем, что они творчески и с полной ответственностью возьмут эту страну в свои руки».*

Заместитель директора эссенского центра исследований Турции **Чигдем Аккая**: *«Минареты в будущем станут повседневной реальностью <...> Люди наконецто распрощаются с иллюзией, что Германия принадлежит немцам».*

А это сказал **Чем Эздемир**, депутат бундестага (Союз 90/Зеленые): *«У подрастающего поколения Германии теперь имена Мустафа, Джиованни и Али!»*

Мечта **Клавдии Рот**, председателя Союза 90/Зеленые, выглядит таким образом: *«В день национального праздника немцев германские улицы утонут в море красных турецких флагов и пары черно-красно-золотистых флагов».*

А это сказал **Ибрагим ЭльЗайят**, президент исламского сообщества в Германии: *«Я верю, что это возможно, что федеральным канцлером в 2020 году может стать рожденный и выросший в Германии мусульманин, а в Конституционном суде мы будем иметь мусульманского судью. Эта страна - наша страна, и нашим долгом является изменить ее в положительную сторону. С помощью аллаха мы сделаем ее нашим раем на Земле...».*

Зиглинде Флис, член бундестага от Союза 90/Зеленые и руководитель отдела профсоюза Верди, сказала: *«Я хотела бы, чтобы Франция простиралась до Эльбы, а Польша граничила бы непосредственно с Францией».*

Валид Накшбанди, производственный директор телевизионной фирмы AVE, «немецкий гражданин» афганского происхождения, сказал: *«У вас есть только один шанс - жить с нами. Жизни без нас у вас уже не будет. Ибрагимы, Штефаносы, Марио, Лейлы и Зорайи стали немецкой реальностью. Вам не удастся помешать тому, что вскоре турецкий судья будет принимать решение по вашему делу, пакистанский врач будет лечить ваши болезни, тамил будет вместе со всеми принимать ваши законы, а болгарин станет Биллом Гейтсом вашей новой экономики. Не вы будете интернационализировать общество, модернизировать его и гуманизировать, а мы будем это делать за вас. Вы при этом болезненном процессе только сторонние наблюдатели, надоедливые зеваки. Мы изменим немецкое общество как на востоке, так и на западе».*

Ренате Шмидт, бывший федеральный министр по делам семьи (СДПГ): *«Вопрос о том, вымрут ли немцы, стоит у меня на последнем месте, потому что он мне, то есть в том плане, как он здесь ставится, относительно безразличен».*

Ангела Меркель (ХДС) в своей программной речи 17 июня 2005 года на праздновании 50-летнего юбилея ХДС в Берлине сказала следующее: *«У Германии нет юридического права на демократию и социальную рыночную экономику на вечные времена».*

Эти и подобные им люди стоят во главе нашего государства. Читая приведенные высказывания политиков, каждый читатель должен себя спросить: «А как долго еще просуществует наше государство в той форме, в которой мы видим его сегодня?». Если вдуматься, на ум приходят фразы «предательство народа», «измена государству» и «измена Отечеству»!

(Из германской прессы)

Читатель предлагает

А мне нравится!.. Прошу опубликовать!..

Уважаемая редакция, в Лас-Вегасе состоялся конкурс «Мисс Вселенная - 2010». Победительницей стала 22-летняя мексиканка Химена Наваррете. Ее фото нашел в интернете. Мне очень понравилась, напечатайте, пожалуйста. Думаю, она понравится и другим. А то у вас всё проблемы да проблемы, а девушки что ли потом?

ВикторЗайдель,
Томская обл.

От редакции: Посмотрели, устоять не смогли. Просим и других читателей присылать материалы, заметки, фото, интересные, на их взгляд, и другим и дополняющие наш серьезный разговор о серьезных проблемах.

Neues Leben
Центральная газета российских немцев
Главный редактор Баумгертнер В. Ф.

Адрес редакции: Москва, Краснопресненская набережная, 12 ЦМТ, оф. 524
E-mail: neues.leben2011@yandex.ru
fnka@yandex.ru

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.
При перепечатке ссылка на «Нойес лебен» обязательна.

Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство №01577

Верстка, дизайн Людмила Лобова
Отпечатано в ООО ИПФ «Гарт»
Тираж 2 000 экз.
Заказ №